Б. Б. Дубенцов

Основные законы Российской империи 1906 г. как трансфер западного конституционализма: Оценки тренда тогда и теперь¹

Использование западного конституционализма при разработке текста Основных государственных законов Российской империи в 1905–1906 гг. является установленным в науке фактом. Общеизвестно также, что оценки тех заимствований, которые были сделаны создателями юридических основ российского конституционного строя, предпринимались еще современниками, в первую очередь отечественными высококвалифицированными специалистами-государствоведами. Именно они заложили традицию изучения российских Основных законов, в тех или иных отношениях с которой находились и находятся многочисленные работы авторов последующего времени. Цель данной статьи состоит в том, чтобы сделанные в начале XX в. оценки объема и направленности трансфера, осуществленного из западного конституционализма при создании Основных законов 1906 г., сопоставить с оценками, присутствующими в отечественной литературе через сто лет, в наши дни.

Первые попытки сравнить только что изданные в России конституционные законы с теми, что уже существовали на Западе, предпринимались видными российскими специалистами в небольших по объему брошюрах. Такие

¹ Данная статья подготовлена в рамках проекта «Российские общественные движения и международный контекст: Проблема трансфера западноевропейских практик и политических технологий в эпоху революций начала XX в.», входившего в программу Отделения историко-филологических наук РАН «Нации и государство в мировой истории».

брошюры издавались политическими партиями для широкой читательской аудитории в целях пропаганды своих программных установок. Кадеты осуществили выпуск целой серии под общим названием «Народное право». В ней и вышла брошюра, написанная вскоре после издания законов 20 февраля 1906 г. Г. Ф. Шершеневичем². Известный прежде всего как цивилист, он обращался также к изучению истории государственно-правовых учений и государственного права. В его брошюре разъяснялось, что «самодержавие в большом государстве, при многочисленности потребностей, немислимо» и «превращается в многодержавие чиновников». Бюрократическое «средостение» порождает «полное разобщение власти и народа». Этому пришел конец, так как получило признание «основное конституционное начало» — законодательные полномочия Государственной Думы и Государственного Совета. Но далее Г. Ф. Шершеневич делал оговорку: «Правда, слово “конституция” нигде официально не признается, правда, русская конституция по содержанию стоит ниже всех западноевропейских»³. Развернутое обоснование этой оценке не давалось. Акцент делался на доказательстве того факта, что российский царь «стал монархом ограниченным», а следовательно, «уже не в праве восстановить самодержавие». Но тут же отмечалось, что «русская конституция не дает тех гарантий, какие известны Западу: государь не присягает конституции, министры не ответственны перед народом, армия всецело связана присягою с особою монарха»⁴.

Сравнение дуалистической монархии, образцом которой называлась Германия, с парламентарной проводилось явно в пользу последней и завершалось предсказанием неизбежности конфликтов между министрами и Государственной Думой. Главная причина этого, как писал Шершеневич, состоит в том, что несмотря на произошедший переход России к конституционному строю «никакой ответственности министров за закономерность их действий у нас не существует», им по-прежнему будет предоставлена «полная безответственность за всё, совершающееся в государстве». Эта констатация вызвала у автора эмоциональное восклицание: «Для этого не стоит изменять самодержавный строй на конституционный!»⁵

Еще одно отличие российского конституционного законодательства Г. Ф. Шершеневич увидел в бюджетной процедуре: «...существенная разница между конституционным порядком, принятым на Западе, и порядком, уста-

² Шершеневич Г. Ф. Конституционная монархия. М.: Типография Г. Лиснера и Д. Собко, 1906. Отсутствие в этой брошюре ссылок на Основные законы позволяет предполагать, что она вышла из печати в конце марта — начале апреля 1906 г.

³ Там же. С. 7–10.

⁴ Там же. С. 12–14.

⁵ Там же. С. 20–21, 35–37. Открыто декларируя в качестве программной установки своей партии переход к парламентаризму, Г. Ф. Шершеневич обозначал и практические рамки своей «политической ангажированности»: «Партия чисто конституционная, как партия Народной Свободы, отстаивая идею конституционной монархии, может стоять только на почве реальной политики». См. там же. С. 14.

новленным у нас по закону 20-го февраля, состоит в том, что там утверждение бюджета предоставляется нижней палате, а у нас оно зависит равно как от Государственной Думы, так и от Государственного Совета... Предоставить же Государственному Совету, состоящему сплошь из чиновников, которые живут на жалование, право определять роспись доходов и расходов — это значит нарушить основное начало конституционного государства»⁶. Очевидно, что в брошюре Г. Ф. Шершеневича указания на те начала западного конституционализма, которым не нашлось места в российском законодательстве, служили обоснованию программной цели его партии: осуществить переход от дуалистической монархии к парламентарной. В связи с этим находилось и перечисление недостатков дуалистической системы, главным из которых называлась безответственность министров перед общественным представительством.

Иное отношение к нарождавшейся в России конституционной монархии выразил известный историк, октябрист В. И. Герье. В опубликованной им брошюре была развернута критика кадетских политических деклараций. Со ссылкой на Германию и Пруссию отстаивалось правительственное «право законодательного почина»; наличие верхней палаты в составе представительства признавалось всеобщим для конституционных монархий, а ограничения бюджетных прав Думы оправдывались указанием на то, что «даже на родине парламентаризма в Англии вовсе не существует полного утверждения бюджета»⁷. Дополнительно приводилось подробное описание противостояния прусского ландтага с правительством Бисмарка в 60-х гг. XIX в.: «...роспись в течение ряда лет оставалась не утвержденной, в Пруссии продолжалось взимание налогов и производство расходов». Таким образом, вполне одобрялась ориентация российского законодательства на немецкую юридическую традицию, согласно которой бюджет не являлся законом⁸.

Своих ближайших оппонентов слева В. И. Герье заранее и недвусмысленно подозревал в намерении злоупотреблять в Думе правом запроса, видя в нем средство «для устранения министерства и захвата министерской власти». Такое намерение, подчеркивалось далее, «прикрывается громким словом, но по смыслу весьма неопределенным — *ответственность* министров (курсив автора. — Б. Д.)». На Западе этот термин, писал В. И. Герье, «был на самом деле популярен», но затем «взгляд на значение ответственности министров очень изменился». Право предания министров суду перестало применяться в Англии; «в монархических конституциях ответственность министров в этом смысле оказалась неуместной». Ссылаясь на пример Пруссии, В. И. Герье уверял, что «*атрофия* ответственности министров в сильном государстве весьма понятна (курсив автора. — Б. Д.)» и риторически вопрошал: «И какая же польза может

⁶ Там же. С. 37–38.

⁷ Герье В. И. О конституции и парламентаризме в России. М.: Типография «Русского Голоса», 1906. С. 15–19.

⁸ Там же. С. 20–22. О том, чем завершилось это противостояние, В. И. Герье умалчивал.

быть стране от навязывания монарху министров?» Целью тех, кто добивался установления ответственности министров перед представительством, объявлялся парламентаризм сам по себе, который отождествлялся с партийностью и присущими ей межфракционной борьбой, сделками и соглашениями. Их вред для общества в представлении В. И. Герье был несомненен⁹.

Брошюры Г. Ф. Шершеневича и В. И. Герье обнаруживают сходство между собой в том, что в них о переносе начал западного конституционализма в российское законодательство только упоминалось, причем с явно выраженными политическими целями. Эти цели были представлены как чуть ли не совершенно противоположные. Если в одной брошюре отмечалась неполнота заимствований, сделанных из европейских конституций при составлении российских законов, и обосновывалась необходимость движения к парламентаризму, то в другой со ссылками на европейский опыт доказывались как достаточность дарованной царем конституции, так и ее сходство с конституциями других дуалистических монархий.

Одним из первых, если не самым первым затронул вопрос о соотношении Основных законов 1906 г. с европейскими конституциями, исходя не из партийных, а из чисто академических, учебных задач, профессор Киевского университета С. А. Егiazаров. Его курс лекций был издан студентами в 1906 г.¹⁰ Признавая, что Россия есть «не парламентарная, а дуалистическая конституционная монархия», С. А. Егiazаров отметил отсутствие в российском законодательстве «специальных условий» для пересмотра Основных законов, которые приняты в Пруссии. По поводу царских «указов обычных мер» заявлялось, что они «должны иметь характер так называемых исполнительных распоряжений». Далее без детальных разъяснений заявлялось, что «распорядительная и повелительная власть государя более урезаны, чем аналогичная власть прусского короля»¹¹. Предоставление царю полномочий издавать «указы чрезвычайных мер» по ст. 87 признавалось аналогичным полномочиям монархов «большинства континентальных государств», но при этом обращалось внимание на то, что «король» (не сказано, в каком государстве) мог «приостановить даже действие конституций (так в тексте. — *Б. Д.*)», тогда как в России указы не могли «касаться конституционных прав Государственного Совета и Государственной Думы». Перечисляя многочисленные возможности царя действовать «в порядке верховного управления» в целом ряде сфер, С. А. Егiazаров не предпринимал попыток соотнести их с полномочиями европейских монархов. Он упоминал о принадлежности права амнистии к числу монарших прерогатив «в конституционных монархиях Европы так же, как у нас», дополнив

⁹ Герье В. И. О конституции и парламентаризме в России. С. 23–29.

¹⁰ Егiazаров С. А. Лекции по русскому государственному праву. Законодательная власть. Вып. 1. К.: Типография И. И. Чоколова, 1906. Судя по упоминанию в тексте о деятельности I Государственной Думы (см. с. 7), текст курса был написан уже после ее роспуска.

¹¹ Там же. С. 10

его указанием на то, что «некоторые конституции — австрийская, бельгийская, датская и др., не допускают права амнистии в отношении министров, привлеченных к ответственности»¹². Перечислив широкие права российского императора в сфере внешней политики, Егиазаров признавал, что «в западноевропейских государствах такими правами монархи не пользуются»¹³. Сопоставление полномочий представительных органов не было проведено. Как видим, первый чисто академический опыт оценки воспроизведения в российском законодательстве элементов западного конституционализма был и неполным, и противоречивым. Егиазаров искал возможность раскрыть черты сходства российских Основных законов с конституциями европейских монархий, но не стремился показать различия по всем разделам государственного права.

Одновременно с курсом лекций С. А. Егиазарова приват-доцент Петербургского университета В. М. Грибовский опубликовал популярный очерк, в котором были обозначены типы конституционных государств и показаны основные тенденции их развития. Уделяя основное внимание выявлению различий между парламентарными и дуалистическими монархиями, В. М. Грибовский сначала раскрыл дуализм монархий в Германии и Пруссии, а затем на основе обзора важнейших положений российских Основных законов пришел к выводу об их однотипности с конституциями упомянутых государств. В качестве главных признаков сходства были указаны назначение царем министров без согласия представительства, ответственность кабинета перед монархом, отсутствие связи между роспуском Думы и судьбой кабинета. «Всё это вместе взятое достаточно обрисовывает свойства министерской власти в России и выясняет дуалистический характер русской конституционной монархии»¹⁴. Очевидно, В. М. Грибовский не был склонен усматривать в российской конституционной монархии что-то исключительное; по его мнению, «в государственном строе большинства европейских конституционных монархий применяется дуализм, в некоторых отдельных случаях прикрытый внешностью парламентаризма. Такова сила вещей, получающая перевес над теоретическими стремлениями»¹⁵. Устранившись от выявления различий между дуалистическими монархиями и не обнаруживая своих политических пристрастий, В. М. Грибовский указывал на естественное движение конституционных монархий к парламентаризму, отмечая, что «конституционализм фактически нечувствительно соприкасается с парламентаризмом, пока решительно не затрагивается прерогатива монарха»¹⁶.

Особое внимание уделял в своем творчестве сопоставлению конституционного законодательства Российской империи с законодательством других

¹² Там же. С. 12.

¹³ Там же. С. 15.

¹⁴ *Грибовский В. М.* Настоящее и будущее европейского парламентаризма (общедоступный очерк). СПб.: Типография А. С. Суворина, 1906. С. 12–15.

¹⁵ Там же. С. 23–24.

¹⁶ Там же. С. 31–32.

стран видный государствовед С. А. Котляревский. Им были написаны две книги, в которых такое сопоставление предпринималось. В 1907 г. вышла первая¹⁷. В ней основу предпринятого «разбора» составляло признание закономерности государственной эволюции, состоящей в том, что «движение в сторону парламентаризма, как и демократизация политического права, вытекает не из чьих-то истинных или ложных убеждений, а из “разума вещей”, — естественных условий развития современного государства»¹⁸. Первым шагом на пути к парламентаризму служило установление конституционного строя. «То, что отличает конституционное государство, есть осуществляющееся в нем в известных пределах, указанных законодательством, политическое самоопределение нации»¹⁹. Но все конституционные государства имеют не только черты сходства, но и существенные различия между собой. Сопоставление государственных форм С. А. Котляревский осуществлял с помощью воображаемого ряда, в который их можно поставить по степени приближения к «законченному типу» парламентаризма. На одном конце этого ряда оказывались государства, либо уже прошедшие через века самосовершенствования (как Великобритания или Франция), либо осуществившие всеобъемлющее заимствование чужих достижений в теории и практике государственного строительства (как Австралия, которая квалифицировалась в качестве «законченного типа» парламентского государства). Их, по мысли С. А. Котляревского, отличает «политическое самоопределение нации», совершающееся «с наибольшей интенсивностью там, где представительство основано на всеобщем праве голоса, где рядом с представительством от всего населения имеется представительство от отдельных политических единиц, входящих в состав целого, и где исполнительная власть построена на парламентарном начале»²⁰. Само же «парламентарное начало», «сущность парламентаризма», сводится к тому, что «реальная исполнительная власть, ответственная за свои действия, согласована с волей законодательного собрания народных представителей: устанавливается гармония между исполнением закона, так сказать, и самим законом»²¹. Трудно эти слова понять иначе как указание на обязательность формирования исполнительной власти непосредственно представительным органом или с его согласия.

«На противоположном конце ряда, — писал С. А. Котляревский, — стоят государства с представительством высокого ценза (Швеция, Венгрия) и с особенно ограниченной компетенцией парламента (Пруссия, Япония). Очевидно, в эту группу нам приходится отнести и Россию, перешедшую теперь

¹⁷ Котляревский С. А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического разбора. СПб.: Издание Г. Ф. Львовича, 1907 (далее — Котляревский С. А. Конституционное государство).

¹⁸ Там же. С. 212.

¹⁹ Там же. С. 234.

²⁰ Там же. С. 177.

²¹ Там же. С. 189.

к конституционному режиму. Хотя закон 11 декабря 1905 г. значительно расширил избирательное право против закона 6 августа, однако результаты этого расширения существенно парализуются многостепенностью выборов, сословно-классовыми перегородками, отсутствием всеобщего пассивного права... Компетенция же представительства ограниченнее, чем в каком-либо из европейских государств»²². Государства, входящие в группу, к которой, по оценке С. А. Котляревского, должна быть причислена Россия, все сходны с ней по важнейшим признакам, это «группа конституционных государств так называемого дуалистического типа. Здесь министерство — исполнительная власть — может не соответствовать определенному большинству народного представительства: оно здесь внепартийное и опирается не на доверие законодательного органа, а на волю главы государства»²³. Приведя доказательства принадлежности Пруссии к этому типу конституционных государств, Котляревский указывает, что сходны с нею Австрия, немецкие государства, Швеция и Дания, государства Пиренейского и Балканского полуостровов, Япония, и делает важное наблюдение: «Очевидно, политический дуализм свойствен по преимуществу конституциям октроированного типа и не соответствует духу государственного устройства, в основу которого положен принцип народного суверенитета». Повторно отмечается сходство России с указанными государствами: «Очевидно, к этому же типу должна быть отнесена Россия, где права народного представительства так скудно отмерены законом 20 февраля 1906 г. Здесь говорится о праве (чрезвычайно, впрочем, мало действительном) Думы следить за законностью действий министров (Учреждение Государственной Думы, ст. 58), но ничего не говорится о наблюдении за целесообразностью их действий»²⁴.

Остановившись на важнейших разделах конституционного законодательства различных стран, С. А. Котляревский отмечал то общее, что было присуще всем монархическим конституциям, включая российскую, — провозглашение прав подданных; двухпалатное построение представительного органа; декларирование безответственности монарха; наличие как у исполнительной власти, так и у представительного органа права законодательной инициативы; участие монарха в законодательстве и наделение его правом созыва и роспуска представительного органа. Вместе с тем обозначались и отличия, присущие российским Основным законам: исключительный почин монарха в деле их пересмотра, ограниченность избирательного права («Положение о Государственной Думе стоит, несомненно, дальше от типа представительства всей нации, чем австрийский избирательный закон»), узость полномочий представительства в бюджетной сфере («этот закон (8 марта 1906 г. — Б. Д.) сводит <...> право народных представителей определять общий ход государственного хозяйства

²² Там же. С. 178. Очевидно, что труд С. А. Котляревского был написан и издан до государственного переворота 3 июня 1907 г.

²³ Там же. С. 204.

²⁴ Там же. С. 205–207.

к крайне малому — еще гораздо меньшему, чем в воздействии на законодательство»), необеспеченность права думских запросов во всей его полноте»²⁵. Но главная мысль С. А. Котляревского состояла в том, что при внешней схожести большинства конституций в важнейших сферах — провозглашение прав подданных, введение чрезвычайных положений, право монаршего вето и некоторых других — сущностное различие между ними состоит в организации отношений между представительством и исполнительной властью: «Тексты конституций очерчивают приблизительно одинаковую сферу воздействия представительных собраний, <...> главное различие здесь не выражается в этих текстах, — различие, соответствует ли исполнительная власть господствующему большинству представительного собрания»²⁶.

Таким образом, даже краткое изложение основных мыслей труда С. А. Котляревского позволяет прийти к выводу, что он доказательно и обоснованно отнес российские Основные законы 1906 г. к числу конституций дуалистических монархий, стоявших лишь в начале своего пути к парламентаризму. Более того, целый ряд наблюдений, сделанных автором, убеждает в том, что воплощение в российском законодательстве начал западного конституционализма было вовсе не механическим, оно было осуществлено путем целенаправленной переработки этих начал в сторону воспроизведения их «самых темных сторон».

Стремление выставить именно их напоказ нарочито проступало в статье К. А. Пажитнова, принадлежавшего к левому лагерю. Он поставил вопрос, который представлялся решенным после 17 октября 1905 г., но «снова вернулся на очередь» после 3 июня 1907 г.: «Что такое конституция и существует ли она в России?». Ответ на этот вопрос предлагалось искать с учетом отказа от немецкой юридической традиции и на основе признания того мнения, что «не всякие основные законы заслуживают названия конституции, а только те из них, которыми устанавливается участие самого народа в определении воли государства». Кроме того, К. А. Пажитнов выдвигал и еще один критерий существования конституции: «Конституция только тогда является конституцией, т. е. обеспечивает господство законности в стране, когда она создает гарантии против ее нарушения». Отсутствие у Основных законов Российской империи таких гарантий объявлялось очевидным фактом и для доказательства этого предлагалось «сопоставить русскую конституцию с другими соответствующего типа, т. е. также пожалованными свыше». Для сопоставления были взяты конституции крупных государств — Австрии, Пруссии, Италии и «французская хартия 1814 г., которая послужила образцом для многих стран». В них имелись обязательства монархов приносить присягу «сохранять ненарушимо конституционные законы». Юридическое значение монаршей клятвы К. А. Пажитнов видел в закреплении ею принципиального различия между «самодержавным

²⁵ Котляревский С. А. Конституционное государство. С. 49, 110, 166, 226, 171–172.

²⁶ Там же. С. 176–177; см. также с. 85–89, 212–213, 216–223, 226.

образом правления» и «конституционным строем» — при абсолютизме законы обязательны только для подданных, а при конституции «обязанность подчинения законам распространяется на всех без исключения». В конституциях европейских монархий содержались статьи об участии представительных органов в привлечении к суду министров, а также их подчиненных; в процедуре введения исключительных положений; в утверждении бюджета в качестве закона. Кроме того, обращалось внимание на присутствие в западных конституциях статей о независимости и несменяемости судей. К. А. Пажитнов подчеркивал, что ничего подобного не было в российских Основных законах. Вместе с тем воспроизведению в них статей о законодательных полномочиях Думы и о министерской контрассигнации он придавал большое значение. Изначальное заявление автора о том, что «из всех октроированных русская конституция — самая куцая», подкреплялось указанием на государственный переворот 3 июня и делался вывод: «Лишенная реальных гарантий, русская конституция вместо того, чтобы служить оплотом и защитой граждан, сама оказалась совершенно беззащитной!»²⁷. Таким образом, К. А. Пажитнов не столько искал черты сходства российских Основных законов с европейскими конституциями и выявлял заимствования, сколько, напротив, предпочитал указывать на те начала западноевропейского конституционализма, которые остались невостребованными в России при составлении для нее конституции. С этих позиций, вряд ли свободных от политической ангажированности, он одним из первых отметил, что конституционность признана в России «*формально*» (курсив автора. — Б. Д.).

В 1912 г. вышла в свет вторая книга С. А. Котляревского, уже специально посвященная изучению российских Основных законов²⁸. В ней прямо ставилась задача отметить «характерные особенности, отличающие наши Основные законы среди других конституций по распределению компетенции между различными государственными органами и прежде всего по компетенции вновь создаваемого народного представительства»²⁹. Главное внимание уделялось трем функциям представительных органов — законодательной, бюджетной и контролирующей управление.

Относительно законодательных полномочий представительства С. А. Котляревский отмечал, что вне компетенции Государственной Думы и Государственного Совета остаются военная и военно-морская сферы, церковное управление и служебное законодательство. Как следствие, «установление общих норм предоставляется русской Государственной Думе и Государственному Совету в меньшем объеме, чем это обычно имеет место при конституционном строе

²⁷ Пажитнов К. А. К вопросу о русской конституции // Образование. 1907. Декабрь. С. 96, 100–108.

²⁸ Котляревский С. А. Юридические предпосылки русских основных законов. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1912 (далее — Котляревский С. А. Юридические предпосылки).

²⁹ Там же. С. 10. Очевидно, что С. А. Котляревский подходил к изучению государственного права России с противоположной позиции по сравнению с С. А. Егизаровым.

относительно законодательных органов»³⁰. Оценку компетенции «народного представительства» в сфере законодательства как ограниченной Котляревский обосновывал не только перечислением тех сфер, в которых правила устанавливались монархом единолично, но и обозначением предметов, входивших в сферу его «верховного управления». Прежде всего обращалось внимание на отсутствие всякого участия российского представительного органа в процедуре заключения международных договоров, чего уже не было в большинстве европейских конституций. Именно по этому поводу Котляревский указал: «Русские Основные законы дают праву монарха такую же постановку, что и французская Хартия 1814 г. и ранние конституции второстепенных немецких государств»³¹.

Ст. 15 Основных законов, предоставлявшую единственно монарху полномочия вводить исключительные положения, С. А. Котляревский расценивал как их важное отличие от европейских конституционных актов. Более того, было показано ограничивающее влияние этой статьи, во-первых, на компетенцию представительства в сфере контроля над действиями исполнительной власти: «...признание незакономерности акта в силу *detournement de pouvoir*, которое именно при исключительных положениях легко становится обычным явлением, чуждо нашей судебной-административной практике», поэтому и запросы о незакономерности действий власти, на которые только и имела право Государственная Дума, не могли иметь большого значения. Во-вторых, оно сказывалось даже на законодательной компетенции представительства. Хотя и как бы мимоходом, в подстрочном примечании, но Котляревский отметил: «Пока материальные нормы исключительных положений не установлены в законодательном порядке, в значительной части России могут бездействовать все законы, изданные в порядке ст. 86-й и определяющие права граждан»³².

Широкое истолкование судебной власти монарха ст. 23, в которой говорилось «о даровании милостей в случаях особых» им единолично, характеризовалось как совершенно уникальное для государственного права: «Здесь даются совершенно своеобразные правомочия, не встречающие параллелей в западных конституциях». В связи с этим стояло, по мнению С. А. Котляревского, и устранение представительства от участия в восстановлении прав амнистированных лиц, «между тем как даже прусская конституция (ст. 49) требует для аболиции согласия ландтага»³³.

С. А. Котляревский считал важным участие представительства в осуществлении законодательства, включая пересмотр Основных законов. Однако подчер-

³⁰ Котляревский С. А. Юридические предпосылки. С. 37 \231\. Здесь и далее в косых скобках даны ссылки на страницы по изданию Котляревский С. А. Конституционное государство. Юридические предпосылки русских Основных законов / Под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004.

³¹ Там же. С. 38 \232\.

³² Там же. С. 41–43 \233–235\.

³³ Там же. С. 49 \238\.

квивал, что принадлежность инициативы их изменения исключительно монарху и устранение инициативы представительства «стоят здесь совершенно особняком», не имея аналогов в европейских конституциях. Напротив, предоставление Думе права законодательной инициативы трактовалось как следование современным европейским конституциям, а не французской Хартии 1814 г. и немецким конституциям первой четверти XIX в., в которых это право отрицалось. Указание на то, что думское «право инициативы крайне ограничено и до известной степени нейтрализовано преимущественным правом министра», было снабжено пояснением об упрощении пользования им на практике и повсеместным преобладанием роли правительства в разработке законопроектов. Наличие ст. 87, писал С. А. Котляревский, «достаточно объясняется примером европейских конституционных норм»³⁴. Таким образом, отмечались не только отличия Основных законов от европейских конституций, но черты сходства между ними.

Компетенция российского представительства в сфере бюджета, очерченная не Основными законами, а правилами 8 марта 1906 г. и Учреждением Государственной Думы от 20 февраля 1906 г., по мнению С. А. Котляревского, была установлена исходя «из противопоставления закона и бюджета, столь распространенного в немецкой юридической литературе». Его воспроизведение в российском законодательстве 1905–1906 гг. привело к тому, что о бюджете не было упомянуто в Манифесте 17 октября, а Основные законы не получили «вовсе <...> общей статьи, устанавливающей право Думы и Совета рассматривать бюджет. Бюджетные полномочия Думы и Совета как бы предполагаются, но не ясно, в каких пределах». Ссылаясь на французского автора Пьера Шаля (P. Chasles), С. А. Котляревский отмечал: «В этом смысле правила 8-го марта не могут быть сопоставимы с западноевропейскими конституционными и законодательными текстами». Заимствование юридической идеи позволило обойтись без заимствования важнейшего начала конституционализма: «...в огромном большинстве конституций утверждается общее право парламента ежегодно вотировать приходный и расходный бюджет». По этому поводу особо отмечалось: «То же мы встретим и в конституциях строго монархического типа, как прусская»³⁵.

Переходя к характеристике предоставленной российскому представительству компетенции в сфере контроля над управлением, С. А. Котляревский прежде всего констатировал повышение востребованности именно этой компетенции в деятельности современных ему государств: «По мере того, как нити законодательной и бюджетной работы всё в большей степени сосредотачиваются в руках правительства, вырастает относительное значение контроля, направленного на закономерность и целесообразность правительственных действий»³⁶. Но в Основных законах, как было показано далее, эта тенденция

³⁴ Там же. С. 52–53, 56–58, 60–61 \239–247\.

³⁵ Там же. С. 74–79, 86–89 \252–257, 261–264\.

³⁶ Там же. С. 91 \264\.

учитывалась в иной степени, чем в конституциях европейских государств. Государственная Дума не имела права «возбуждать судебные преследования против министерства — права, принадлежащего большинству западноевропейских представительных собраний». Оно присутствовало не только в конституциях прусской и австрийской, но имелось еще «во французской Хартии 1814 г. (параграф 9)». Дума не могла проводить парламентские расследования, принимать петиции; предоставленное ей право обращаться с вопросами к министрам не предполагало законодательно установленной «обязанности министров и главноуправляющих давать ответы, не говоря уже о том, что признанная неудовлетворительность ответа не влечет за собой никаких дальнейших последствий». Дума была наделена правом запросов, но единственно по поводу незаконных действий министров и других должностных лиц. Относительно «понятия “незаконность”» С. А. Котляревский не преминул повторно отметить, что оно в российской государственной жизни «значительно более узкое, чем в типичном, так сказать, конституционном праве — именно в силу расширения у нас за счет области законодательства — области верховного управления», не говоря уже «об исключительных положениях, где злоупотребление полномочиями власти не дает обычно возможности ссылаться на формальную закономерность». Котляревский подчеркивал, что «в контроле над управлением русское народное представительство остается совещательным, <...> признание с его стороны действий министра незаконными никакого обязательного значения не имеет, никакими юридическими последствиями не сопровождается». На основании всего этого делался вывод: «Ограниченность формулированной здесь компетенции Думы и Совета бросается в глаза, если сопоставить с обычными постановлениями конституций хотя бы дуалистического типа»³⁷. Это, подчеркивал Котляревский, и являлось «самым ярким <...> отличием, совершенно выделяющим русские Основные законы из ряда обычных конституций» — «отрицание в них всякой ответственности министров перед народным представительством».

На основании выявленных черт сходства и отличия Основных законов от европейских конституций в трех сферах компетенции представительных органов С. А. Котляревский делал предварительное заключение: «Правомочия Государственной Думы и Государственного Совета значительно менее широки, чем это соответствует типическому конституционному порядку»³⁸. Затем им были охарактеризованы другие элементы российского конституционного строя. Отмечалось отсутствие в законе гарантий возобновления занятий Го-

³⁷ Котляревский С. А. Юридические предпосылки. С. 94–99, 100–103 \267–271\. По поводу Германской конституции делалась оговорка — в ней право интерпелляции не упоминалось, но его признавали параграфы 32 и 33 наказа Рейхстага, причем на практике даже допускались депутатские запросы по поводу целесообразности действий исполнительной власти, что исключалось для депутатов Думы.

³⁸ Там же. С. 110–111 \276\.

сударственной Думы после ее роспуска царским указом — не было воспроизведено существовавшее в прусской конституции определение конкретных сроков созыва представительства, зато позаимствовано было существовавшее в немецких конституциях первой четверти XIX в. правило, позволявшее отступать от проведения ежегодных сессий представительного органа. А вот незащищенным положение депутатов было в одинаковой степени: как и в Пруссии и Германии, депутаты в России могли подвергаться задержанию во время сессии Думы без согласия представительного органа «при самом совершении преступного деяния или на следующий день»³⁹.

Итоговый вывод, которым С. А. Котляревский завершал свой труд, посвященный изучению российских Основных законов, состоял в том, что их сопоставление проведено «по преимуществу с данными тех конституций, которые отличаются ясно выраженным октроированным характером и построены на признании монархического принципа. Но и при таком сопоставлении нормы нашего государственного устройства выделяются своей ограничительной тенденцией в отношении прав представительных учреждений». «Это — вывод, — подчеркивал его автор, — из простого сопоставления конституционных норм, чуждого какой бы то ни было политической оценки: его должны признать одинаково и люди, считающие, что большие права народного представительства не соответствуют историческим потребностям России в данную эпоху, и люди, стремящиеся, по словам председателя первой Государственной Думы, к совершенному осуществлению тех прав, которые истекают из самой природы народного представительства»⁴⁰.

Наблюдения и выводы, содержащиеся в книгах С. А. Котляревского, в том числе указание на сходство Основных законов 1906 г. с французской Хартией 1814 г. и ранними конституциями немецких государств, присутствовали в трудах и других российских государствоведов начала XX в.⁴¹ В целом российская

³⁹ Там же. С. 114–115, 117, 118 \278–280, 283\.

⁴⁰ Там же. С. 128–129 \286–287\.

Указание С. А. Котляревским на аполитичность его оценки Основных законов 1906 г. нельзя расценивать как применение расхожего приема, употребляемого именно тогда, когда политические устремления пытаются скрыть. В подстрочном примечании к цитированному выше выводу С. А. Котляревский указывал: «Констатирование отличий Основных законов от типичного конституционного порядка не есть еще политический рецепт для их изменения». Вполне понятным становится смысл этого примечания, если вспомнить, что в 1910–1912 гг., когда создавалась книга «Юридические предпосылки русских Основных законов», ученый пережил «реально произошедший перелом в мировоззрении». Он вышел из состава кадетской партии и ее ЦК в 1912 г., а за два года до этого на страницах «Московского еженедельника» опубликовал статью, в которой назвал необходимыми для представителей конституционного центра такие качества, как «очень трезвый политический реализм, дух умеренности и самоограничения, действительная моральная уступчивость». См.: *Томсинов В. А.* Сергей Андреевич Котляревский (1873–1939). Биографический очерк // Котляревский С. А. Конституционное государство. Юридические предпосылки русских Основных законов / Под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. С. XXX–XXXIV.

⁴¹ *Зороян С. Г.* Становление дуалистической монархии в России (1906 — февраль 1917 г.). СПб.: Знание, 2010. С. 113–114, 125, ссылка 1.

юридическая наука смогла дать научные, а не конъюнктурные оценки направленности переноса в российское государственное право начал западноевропейского конституционализма. В этом особая заслуга принадлежит С. А. Котляревскому, сумевшему в своих книгах и особенно во второй из них исключить из сопоставления российского конституционализма с его западными образцами какие бы то ни было политические устремления, свойственные первым попыткам оценить Основные законы 1906 г. через их сравнение с европейскими конституциями (Г. Ф. Шершеневич, В. И. Герье, К. А. Пажитнов). Государственные реформы 1905–1906 гг. строились путем переноса в российское законодательство важнейших элементов европейского конституционного права своего времени, но перенос этот был ограниченным, благодаря чему в России обеспечивалось сохранение монархического принципа в большей степени, чем в европейских дуалистических монархиях. Вместе с тем В. М. Грибовский указал на ограниченность научного значения сравнительного изучения конституционных актов, не имеющих существенных различий между собой до тех пор, пока не затрагиваются prerogatives монархов. Но несмотря на это его указание, оценка заимствования российским государственным правом положений западноевропейского конституционализма как ограниченного получила признание, причем не только в науке, но и в политике. Именно эта оценка легла в основу концепции, согласно которой российская монархия после 1906 г. стала монархией конституционной, «хотя и наименее развитой в сравнении с другими конституционными монархиями Европы». Изданием Основных законов было положено «начало подлинного конституционализма в России и данная система могла утвердиться в случае правильного курса правящих верхов»⁴². А. Н. Медушевским показано политическое применение данной оценки имплементации западного конституционализма в российское законодательство и отмечено воспроизведение ее в работах научного характера, в том числе у зарубежных авторов. Противоположная политическая позиция, состоявшая в отрицании произошедшего перехода российской государственности на конституционную основу, тоже перешла из партийной публицистики в научную литературу, прежде всего советскую⁴³. Центральным в дискуссии ученых, историков и юристов был вопрос относительно определения той формы правления, какую можно признать за третьеиюньской монархией. Вопрос, изучение которого рассматривается в настоящей статье, является его частью, и в постсоветское время, когда возросла актуальность истории российского парламентаризма, стал привлекать к себе растущее внимание, с 2000 г. приобретая в известной степени самостоятельное значение. Какие же оценки заимствования западного конституционализма в российских Основных законах 1906 г. существуют в новейшей отечественной литературе, вышедшей в свет начиная с 2000 г.?

⁴² Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. С. 430–431.

⁴³ Там же. С. 432.

В 2000 г. И. А. Кравец опубликовал книгу «Конституционализм и российская государственность в начале XX в.», названную «учебным пособием». Как и положено изданию такого жанра, книга представляет собой обобщающее исследование, построенное с широким привлечением уже имевшейся литературы, не только новейшей, но и дореволюционной. Проследивая основные этапы подготовки проекта Основных законов, И. А. Кравец отметил эпизод, когда С. Ю. Витте предложил выполнить сопоставление подготовленного в Государственной канцелярии проекта «с консервативными конституциями»⁴⁴. Воспроизведение западного конституционализма в Основных законах И. А. Кравец оценивает применительно к их важнейшим разделам. Вслед за Н. И. Лазаревским, который в 1908 г. отметил «общую тенденцию (для конституционных государств. — Б. Д.) обеспечивать конституционным законам особую неприкосновенность», И. А. Кравец подчеркнул зависимость этой неприкосновенности «исключительно от усмотрения одного лица — монарха». Вместе с тем он указал на типичность данного способа обеспечения «неприкосновенности Основных законов». Их, как подчеркивает И. А. Кравец, «нельзя считать <...> оригинальным творением русских реформаторов, которые стремились оградить реформированный государственный строй Российской империи от расширения уступок, сделанных монархом под воздействием Первой русской революции. Извлеченный из недр конституционной истории Германии начала XIX века через влияние конституционного опыта Японии, он стал полноправным хранителем русской конституции начала XX века». Там, замечает И. А. Кравец, где абсолютизм шел на уступки под натиском «революционной деятельности масс», как, например, в Баварии, «конституционные формы становились <...> правовым гарантом оставшихся у монарха прерогатив. Поэтому правовые акты именовались монархическими конституциями, если они не столько закрепляли революционные завоевания народа, сколько ограждали сделанные монархической властью уступки от дальнейшего расширения»⁴⁵. Данный вывод подтвержден и оценкой определенных Основными законами отношений между министрами и представительством: «Отличием российской конституции по сравнению с европейскими конституционным актами было отрицание в ней вообще всякой ответственности министров перед законодательными палатами и прежде всего судебной»⁴⁶.

Солидаризируясь с известным и авторитетным исследователем государственных форм и общественной мысли А. Н. Медушевским, И. А. Кравец определяет реформированную российскую государственность как «монархический конституционализм» и отмечает, что «эта разновидность конституционной

⁴⁴ Кравец И. А. Конституционализм и российская государственность в начале XX века: Учебное пособие. М.; Новосибирск: ИВЦ «Маркетинг»; ООО «Издательство ЮКЭА», 2000. С. 112–113.

⁴⁵ Там же. С. 121.

⁴⁶ Там же. С. 328.

монархии первоначально реализовалась в странах Центральной и Восточной Европы, а затем в России и государствах Азии»⁴⁷. Вместе с тем И. А. Кравец далек от отрицания самого факта перехода российской монархии к конституционализму. Его общая оценка заимствования в Российской империи западного опыта состоит в следующем: «Характер содержания и специфика юридической силы Основных законов 1906 года, порядок их пересмотра свидетельствуют, что с юридической точки зрения они сопоставимы с конституциями европейских государств, преимущественно раннего этапа их конституционного развития. У российских Основных законов было много общего с французской Хартией 1814 года, конституциями германских государств первой четверти XIX века»⁴⁸.

В том же 2000 г., когда И. А. Кравец опубликовал свою книгу, вышла из печати и работа В. Г. Кошкидько, жанр которой определен как «научное издание»⁴⁹. В ней тоже широко использовалась дореволюционная юридическая литература и была воспроизведена общепринятая для нее констатация влияния западного конституционализма на Основные законы Российской империи: «...по своему содержанию и своей юридической силе Основные государственные законы вполне соответствовали законам конституционным. Тем более при их разработке широко использовались теория и практика государственного права зарубежных стран и в первую очередь конституционных монархий: Австро-Венгрии, Бельгии, Германии, Японии»⁵⁰. Вместе с тем В. Г. Кошкидько отмечал как само собой разумеющееся, что Основные законы 1906 г. «носили на себе явные следы вынужденности» и «их разработчики постарались сохранить за самодержавием как можно больше позиций в системе государственного управления. И это была нормальная реакция власти, с трудом расстающейся с неограниченными полномочиями». Данная констатация дополнялась воспроизведением мнения С. А. Котляревского: «Нормы нашего государственного устройства выделяются своей ограничительной тенденцией в отношении права представительных учреждений». Но раскрыть эту «ограничительную тенденцию» современный автор, в отличие от дореволюционного ученого, не пытался, довольствуясь определением государственного строя, установившегося в результате конституционных реформ 1905–1906 гг., как дуалистической монархии⁵¹.

Ее установление в России после 1906 г. не отрицал и О. А. Кудинов, чья монография вышла из печати в том же 2000 г. Однако он при этом отмечал: «Назвать Основные государственные законы в редакции от 23 апреля 1906 г. конституцией в точном смысле этого понятия нельзя, ибо такие основополагающие принципы конституционализма, как народный суверенитет и разделение властей,

⁴⁷ Кравец И. А. Конституционализм и российская государственность в начале XX века. С. 314.

⁴⁸ Там же. С. 122.

⁴⁹ Кошкидько В. Г. Представительная власть в России: формирование и функционирование: научное издание. М.: Университетский гуманитарный лицей, 2000.

⁵⁰ Там же. С. 40.

⁵¹ Там же. С. 41–43.

в указанном нормативном акте отсутствовали. Вместо народного суверенитета презюмировался суверенитет монарха». Автор склонен объяснять неполноценность российского конституционализма начала XX в. тем, что «Основные законы <...> были документом компилятивным», а одной из «базовых моделей», использовавшихся при их создании, являлась конституция Германской империи 1871 г., названная «худшей в Европе», «утвердившей недолговечную дуалистическую монархию». По оценке О. А. Кудинова, «для своего времени Основные государственные законы 1906 г. были одним из самых консервативных конституционных актов в мире»⁵². Детального разбора заимствований, впрочем, в монографии не проводилось. Отмечалось лишь сходство избирательного законодательства в России с австро-венгерской куриальной моделью⁵³.

Издание книг таких авторов, как И. А. Кравец, В. Г. Кошкидько и О. А. Кудинов, можно считать скорее возвращением к изучению темы о заимствовании западноевропейского конституционного опыта при создании Основных законов Российской империи, чем ее оригинальной разработкой, предпринятой без учета сделанного ранее. В этих трудах сохранялась преемственность с дореволюционной юридической литературой, воспроизводились содержащиеся в ней выводы и оценки. Однако новые сочинения, посвященные этой теме или затрагивающие ее, в том числе диссертации, которым по определению должна быть свойственна новизна выводов и наблюдений, продолжали появляться.

В 2002 г. был напечатан и разослан автореферат диссертации В. В. Виноградова. В нем повторялся один из выводов, имеющих в книге, которую опубликовал И. А. Кравец: «...совокупность прав русского монарха отличалась от типичного объема полномочий европейских конституционных монархов начала XX в. и в большей мере соответствовала их правам по конституциям начала XIX в. во Франции и в германских государствах»⁵⁴. Сопоставляя правила формирования состава Государственного Совета как верхней палаты представительного органа с теми, что имелись в западноевропейских конституциях для верхних палат, В. В. Виноградов нашел их «более демократическими» — они не предусматривали наследственного членства для представителей правящей династии. Общая характеристика российского государственного строя не отличалась оригинальностью: «...российский конституционализм начала XX в. относится к дуалистическому типу конституционализма в форме дуалистической монархии»⁵⁵.

В 2003 г. был разослан автореферат диссертации С. В. Богданова. В нем тоже указывалось на заимствования, сделанные составителями Основных законов из конституций европейских стран, в том числе Франции и Швеции, и делалось

⁵² *Кудинов О. А.* Конституционные реформы в России в XIX — начале XX в.: Монография. М.: Изд-во Института молодежи «Социнформ», 2000. С. 45, 51–52.

⁵³ Там же. С. 61.

⁵⁴ *Виноградов В. В.* Становление конституционализма в монархической России: Автореферат дис. ... канд. юр. наук. Волгоград, 2002. С. 21.

⁵⁵ Там же.

уже известное в литературе наблюдение: «...важная особенность Думы по сравнению с западноевропейскими представительными органами состояла в значительном ограничении ее бюджетных прав»⁵⁶. Основной вывод, который делает С. В. Богданов, состоит в том, «что формирование и функционирование законодательных органов в России, наряду с использованием зарубежного опыта, происходило в условиях сохранения старых традиций властных отношений. При этом мировая история показывает, что представительные учреждения могут успешно функционировать в странах с различным политическим строем, не только в республиках, но и монархиях. Принципиальное значение имеет вопрос о том, является ли парламент механизмом реального влияния общества на власть. Та роль, которая была предоставлена Думе и Госсовету, оказалась для этого недостаточной»⁵⁷. Данный вывод трудно понять и интерпретировать иначе, нежели как признание автором того, что заимствование начал западного конституционализма было приспособлено к сохранению «старых властных отношений», но вместе с тем было не так уж важно само по себе, поскольку на практике возможно было предоставить органу общественного представительства влиять на власть, даже если это не соответствовало букве конституционного акта. Как известно, надежды на укоренение парламентских практик при сохранении препятствовавших их существованию законодательных установок высказывались в российской научной и публицистической литературе начала XX в. неоднократно.

Теме воспроизведения германских образцов в российском конституционализме уделено важное место в монографии Г. И. Мусихина. Отметив, что задолго до 1905 г. «мотив европейских заимствований достаточно часто звучал среди либерально настроенной бюрократии» в России, автор провел исследование, чтобы сравнить «реальность политического господства в России с “германским вариантом”»⁵⁸. В результате он сформулировал с учетом мнения А. Н. Медушевского обобщающее суждение: «По сути дела в России был воспроизведен монархический конституционный принцип политического господства, выработанный в Германии в ходе ее объединения Бисмарком. Основа этого подхода состояла в выведении монарха и подотчетного ему правительства из-под реального конституционного контроля. Монарх при этом являлся носителем государственного суверенитета, высшим арбитром по любым важнейшим политическим вопросам, а также гарантом самой конституции, которая приобретала в связи с этим характер дарованных сувереном прав и свобод. То есть монархический конституционализм отнюдь не означал конституционную монархию, так как ограничивал не столько всевластие монарха, сколько могущество

⁵⁶ Богданов С. В. Национальный и зарубежный опыт в формировании и функционировании Государственной Думы и Государственного совета в начале XX века: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 22, 26.

⁵⁷ Там же. С. 30–31.

⁵⁸ Мусихин Г. И. Власть перед вызовом современности: Сравнительный анализ российского и немецкого опыта конца XVIII — начала XX веков. СПб.: Алетей, 2004. С. 242, 246.

конституции, которая была лишь просвещенным *инструментом* (курсив автора. — Б. Д.) политического господства, а не источником последнего»⁵⁹. Как можно заметить, Г. И. Мусихин, в сущности, отказывается ставить знак равенства между понятиями «монархический конституционализм» и «конституционная монархия», игнорируя устанавливавшиеся в конституционных актах ограничения власти монархов. Вместе с тем ему удалось показать направленность переноса германских принципов построения отношений представительства с монархом на российскую почву — оставить за царем максимальные возможности принимать «важнейшие политические решения» без участия представителей общества и даже без их согласия. При таком подходе, воспроизведенном в России, «представительные органы де-факто были лишь собраниями привилегированных адресатов властного воздействия, а не носителями власти»⁶⁰.

Очень созвучной монографии Г. И. Мусихина по терминологии и выводам оказалась диссертация О. В. Погожевой. Ею, как сказано в автореферате, было проведено изучение конституций целого ряда европейских стран и обращено внимание на ограниченность заимствований, сделанных из них составителями российских Основных законов. Не нашедшие в них воплощения важнейшие положения западноевропейского государственного права отмечены О. В. Погожевой, как, впрочем, и ее предшественниками: возможность изменять конституцию помимо и вопреки воле монарха; судебная ответственность министров перед палатами и т. п. По мнению автора, Основные законы ограничивали права Государственной Думы, зато предоставляли «монарху руководствоваться исключительно собственной волей». «На основании анализа правовых основ отношения императора с законодательными органами России и их сравнения с аналогичными нормами конституционных стран» О. В. Погожева, во-первых, признала, что Основные законы «могут быть сопоставимы с конституциями европейских государств только раннего этапа их конституционного развития», а во-вторых, пришла к выводу, что «в России не смогла установиться конституционная монархия. Скорее, можно вести речь об устойчивой тенденции развития политико-правовой системы государства в этом направлении, выразившейся в создании дуалистической монархии»⁶¹. Здесь современный автор явно порывает с научной традицией, согласно которой конституционная монархия — более общее понятие, а дуалистическая монархия — одна из двух ее разновидностей.

Вне руслу научной традиции, заложенной еще дореволюционными государствоведами, попытались поместить свою книгу Н. Б. Селунская и Р. Тоштендаль. Она, по их мнению, «представляет новый взгляд на развитие России на завершающем этапе истории самодержавия». Авторы поставили перед собой цель сравнить «Россию с остальной Европой с точки зрения развития формальной

⁵⁹ Там же. С. 252.

⁶⁰ Там же. С. 269.

⁶¹ Погожева О. В. Монархия как форма правления в Российской империи (историко-правовой аспект): Автореферат дис. ... канд. юр. наук. Ростов-на-Дону, 2004. С. 18–20.

демократии и системы правления». Постановка такой цели, уже ранее многократно предпринимавшаяся в литературе, как признают сами Н. Б. Селунская и Р. Тоштендаль, оправдывается ими, во-первых, указанием на то, что их предшественники чаще проводили сравнение «политической системы России» с английской и французской «на более ранних стадиях их политического развития», тогда как «гораздо реже можно встретить сравнение России периода 1905–1907 гг. с остальными странами Западной Европы того же периода, и особенно с автократическими монархиями Центральной Европы или же со странами севера и юга Западной Европы, позднее вступившими в стадию индустриального развития»⁶². Во-вторых, намерением «выяснить, действительно ли Россия отставала от Западной и Центральной Европы с точки зрения формы правления и развития демократической культуры, как это часто утверждается в литературе»⁶³. Сравнение Н. Б. Селунской и Р. Тоштендалем проведено «на двух уровнях: сначала со многими странами Западной Европы, а затем с двумя другими империями Европы — Германией и Австро-Венгрией». Для сравнительного анализа выбрано 11 аспектов, из которых пять составляют основы конституционного строя, включая избирательную систему⁶⁴. Сравнительный анализ, проведенный на первом уровне, позволил авторам сделать вывод о том, что нигде в Европе не было «полной развитой формальной демократии», а поэтому хотя «Россия не была на одном уровне с ведущими странами Европы по показателям демократического развития» и ее в этом отношении опережали «даже менее экономически развитые страны», тем не менее «различия между Россией и странами Западной Европы не были столь существенными и часто преувеличивались». Н. Б. Селунская и Р. Тоштендаль отмечают типичность существования ограниченных полномочий у представительств в европейских конституционных государствах, поэтому, по их мнению, можно говорить, «о соответствии» Государственной Думы «парламентам других стран». Россию отличало «положение главы государства» — «царь не расстался со своей абсолютной властью», тогда как в других странах всевластие монарха было уже «мифом», хотя и тщательно культивируемым⁶⁵.

Итогом сравнения России с Германией и Австро-Венгрией стало утверждение об однотипности политических систем всех трех империй: в них «недостаточность развития формальной демократии и системы правления были очень схожими, иногда до такой степени, что возможно предположить наличие взаимовлияния между ними. Таким образом, реформы 1905–1907 гг. обусловили принадлежность России к «имперской группе» стран, которые отчасти адаптировались к потребностям общества в институтах демократического типа, а отчасти — стремились

⁶² Селунская Н. Б., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX в. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. С. 7, 13, 256.

⁶³ Там же. С. 261.

⁶⁴ Там же. С. 256, 260.

⁶⁵ Там же. С. 288–289.

использовать «аналогичные методы сохранения монархического правления»⁶⁶. Вместе с тем Н. Б. Селунская и Р. Тоштендаль, основываясь на приведенных ими фактах, отмечали: «Есть основания утверждать, что в России никогда не было конституционной системы правления в собственном смысле слова. Это утверждение может быть продолжено в плане констатации *огромных* (курсив автора. — Б.Д.) различий между Российской империей на последнем этапе ее существования и Германией, Австрией (а также другими монархиями Западной Европы, такими как Бельгия, Нидерланды, Дания и Швеция). Там монарх вынужден был принять некоторые ограничения своей власти в области внутренней политики», в том числе «в назначении министров». Положение царя, «так, как оно было определено в Основных законах, давало ему больше личной власти по сравнению с той, которую имели императоры Германии и Австрии»⁶⁷.

Таким образом, Н. Б. Селунская и Р. Тоштендаль смогли показать, что российская конституционная модель формировалась путем заимствований принципов монархических конституционных актов, принятых в центрально-европейских империях, и наряду с ними Россия формально была сопоставима с другими ограниченными монархиями. Но доказать преувеличенность мнений об относительной отсталости российской модели даже от германской и австро-венгерской им не удалось, их собственные оценки подтверждали тот же вывод.

Уже после того, как должна была выйти из печати книга Н. Б. Селунской и Р. Тоштендаля, был разослан автореферат кандидатской диссертации А. Р. Пустовалова. Он обратился к изучению «идей конституционализма», т. е. истории российской политико-правовой мысли, и тем не менее счел нужным подвергнуть анализу «процесс выработки, обсуждения и принятия юридических актов, составивших правовую основу государственной реформы, вследствие которой возникла система монархического конституционализма в России». Характеристика этой системы дана в автореферате путем сравнения ее с западноевропейскими аналогами: «Характер содержания и специфика юридической силы Основных законов 1906 г., порядок их пересмотра свидетельствуют, что с юридической точки зрения они сопоставимы с конституциями европейских государств преимущественно раннего этапа их конституционного развития. У российских Основных государственных законов 1906 г. было много общего с французской Хартией 1814 г., конституциями германских государств первой четверти XIX века, конституцией Японии 1889 года»⁶⁸. Нетрудно заметить, что заключение А. Р. Пустовалова дословно повторяет вывод, который с учетом результатов изучения Основных законов в дореволюционной литературе сделал И. А. Кравец, причем воспроизведению этого суждения не помешали появившиеся после 2000 г. исследования.

⁶⁶ Там же. С. 296–297.

⁶⁷ Там же. С. 303–305.

⁶⁸ Пустовалов А. Р. Развитие идей конституционализма в русской политико-правовой мысли XIX — начала XX веков: Автореферат дис. ... канд. юр. наук. М., 2006. С. 19–20.

Не пытаясь определить степень полноты и основательности уже достигнутых предшественниками результатов сравнительно-правового анализа Основных законов и западноевропейских конституций, обратился к его очередному осуществлению Р. А. Циунчук. В своей статье, явно имеющей обобщающий характер, он поставил цель «обозначить общее и особенное в думской парламентской модели представительства»⁶⁹. Отметив запоздалость учреждения представительного органа в России путем его октроирования, Р. А. Циунчук последовательно провел сравнение российского законодательства с западноевропейскими конституциями «по нескольким важнейшим типологическим направлениям». Очевидно, был применен подход, использовавшийся дореволюционными государствоведами в своих трудах, на которые ссылается автор. Им обращено внимание прежде всего на то, что Основные законы не заимствовали из актов даже самой ранней эпохи европейского конституционализма «юридических обязательств» монарха их соблюдать. Не были в них включены и присущие европейским конституционным актам полномочия представительных органов инициировать их пересмотр. Р. А. Циунчук указал также на отказ составителей российских Основных законов перенести в них общепринятые в Европе термины «конституция», «палаты», дать «четкие нормативные определения частей общественного представительства».

Считая важнейшим критерием для типологии Государственной Думы избирательную систему, автор обоснованно указывает на тенденцию к расширению избирательных прав населения в западноевропейских государствах на протяжении второй половины XIX — начала XX в. Российская куриальная модель оценивается как следование австрийскому образцу, но дополненному ограничениями, в частности запретом выдвигать выборщиков из другой курии. По оценке Р. А. Циунчука, российская избирательная система «перекликалась с устаревшими избирательными моделями германских государств». Но даже такая модель была регрессивно изменена Положением о выборах 3 июня 1907 г.⁷⁰

Относительно режима работы общественного представительства российское законодательство воспроизводило положения прусской конституции 1850 г. и конституций других государств. Однако заключавшиеся в них четкие правила, указывает автор, в России отсутствовали. Если права депутатов, структура и принципы работы Думы были установлены и на практике менялись «по примеру европейских парламентов», то полномочия, предметы ведения и их объем, по наблюдениям Р. А. Циунчука, далеко не во всем воспроизводили достижения западноевропейского конституционализма. Функционирование Думы «концентрировалось в рамках текущего законодательства и экономико-хозяйственного регулирования», допуская влияние ее на бюджетную политику, но оставляло «вне

⁶⁹ Циунчук Р. А. Европейские парламенты и российская Дума начала XX века: сравнительно-правовой анализ // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт: Сб. материалов Международной научной конференции / Науч. ред. А. О. Чубарьян. М.: ИВИ РАН, 2007. С. 39.

⁷⁰ Там же. С. 40–46.

контроля сбор и расходование значительных средств». В сфере внешней политики российские Основные законы ничего не позаимствовали из европейских конституций, предоставив всю полноту действий монарху и являясь «исключением из правил». По поводу такой особо значимой сферы парламентских полномочий, как «право парламентского контроля за действиями правительства и администрации», отмечено воспроизведение в Российской империи дуалистической модели, при которой «состав министров не обязательно отражал состав парламентского большинства». Вместе с тем признается, что «набор полномочий для контроля за закономерностью действий властей» у палат российского представительства был «минимальный» (о контроле над целесообразностью вообще не упомянуто).

На основании проведенного Р. А. Циунчуком «сравнительно-правового анализа» сформулированы восемь выводов. Среди них — повторение оценки соотношения Основных законов Российской империи с западноевропейскими конституциями, данной еще дореволюционными исследователями: «типологически» Основные законы 1906 г. сближались «с устаревшими к XX веку образцами наиболее консервативных монархических конституций (конституционная Хартия Франции 1814 г. и конституции германских государств начала XIX в., конституционный акт Пруссии 1850 г., конституционные законы Австрии 1867 г.)». С представительными органами Пруссии и Австрии сходным было российское представительство по объему своих полномочий. Указав и на имевшиеся между Основными законами и конституциями западноевропейских дуалистических монархий различия, Р. А. Циунчук в итоге признает, что «думская модель выборного законодательного народного представительства <...> по своей сущности, по формально-юридическим характеристикам вполне могла встать в один ряд с зарубежными парламентами XIX — начала XX века»⁷¹. Но указать, какое же место в этом ряду может быть отведено думской модели, Р. А. Циунчук, в отличие от С. А. Котляревского, не решился.

В опубликованной в 2008 г. объемной монографии В. Е. Усанова (почти 900 страниц) ее треть занимает раздел под названием «Период практического строительства конституционных и парламентских институтов в начале XX в. (1905–1917 гг.)»⁷². В нем дано описание подготовки государственных реформ 1905–1906 гг., составления Основных законов, деятельности Государственной Думы и Государственного Совета, а также их внутренней организации. Сопоставление российского государственного права с европейскими образцами проведено автором спорадически и в основном воспроизводит суждения дореволюционных государствоведов — чаще Н. И. Лазаревского, а также В. М. Гессена и С. А. Котляревского. По поводу российского избирательного права В. Е. Усанов, ссылаясь на Н. И. Лазаревского, отметил, что «список отрицательных условий в русском избирательном законодательстве отличался от законов других стран большим их числом, “презумпцией виновности и вечным характером большинства лишений

⁷¹ Там же. С. 49–59.

⁷² Усанов В. Е. Становление и развитие парламентаризма в России: историко-правовое и критическое исследование: Монография. М.: ООО «Издательство “Элит”», 2008.

избирательных прав»⁷³. Характеризуя полномочия Думы, автор указал на ограниченность ее прав в бюджетной сфере по сравнению с нижними палатами европейских представительных органов, на ее «отстранение <...> от внешней политики»; упомянул запрет принимать петиции⁷⁴. Вместе с тем В. Е. Усанов нашел, что «в целом правовой статус депутатов Государственной Думы мало чем отличался от правового статуса депутатов существующих в то время европейских парламентов»⁷⁵. По его мнению, и «внутренняя организация Государственной Думы походила на организацию нижней палаты любого парламента континентальной Европы»⁷⁶. Имевшие место назначения на министерские и иные административные должности думских депутатов, вхождение их в правительственные коллегиальные органы — совещания и комиссии, обобщенно сочтены свидетельствами приобретения Думой возможности влиять на исполнительную власть⁷⁷. В целом В. Е. Усанов ограничился разрозненными упоминаниями о чертах сходства и различия между российским государственным правом и западноевропейским, воздержавшись от общей оценки их соотношения.

Не оказалось общей оценки заимствований российским законодательством начал западного конституционализма в энциклопедической статье В. А. Демина, посвященной Основным государственным законам 1906 г.⁷⁸, чего ее жанр, вероятно, и не требовал. Но автор счел нужным, во-первых, указать на общее сходство Основных законов «с зарубежными конституциями XIX в., особенно с японской, в меньшей степени — с прусской 1849 и австрийской 1861 г.». Во-вторых, им кратко перечислены отличия российского конституционализма от европейского. Отмечено, что предусмотренное Основными законами «положение о полном устранении палат от вопросов внешней политики было свойственно европейским конституциям 1-й четверти XIX в.». Затем показано, что в конституциях европейских монархий второй половины того же столетия — в отличие от российской начала XX в. — уже не предусматривалось наличие у монарха «дополнительных прав», таких как: монопольное обладание учредительной инициативой и установление гарантий против попыток представительства «бороться с правительством путем отклонения бюджета или призыва новобранцев»⁷⁹. Очевидно, что приведенные в энциклопедии сведения ясно указывают, что российский царь после 1906 г. имел полномочия более широкие, нежели те, что принадлежали монархам по европейским конституциям второй половины XIX в.

⁷³ Усанов В. Е. Становление и развитие парламентаризма в России. С. 255.

⁷⁴ Там же. С. 302, 305, 318.

⁷⁵ Там же. С. 279.

⁷⁶ Там же. С. 418.

⁷⁷ Там же. С. 327. Как представляется, такое мнение требует конкретно-исторического обоснования.

⁷⁸ Демин В. А. Основные государственные законы // Государственный совет Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. С. 192–195.

⁷⁹ Там же. С. 193.

Иное мнение по этому вопросу попытался представить С. В. Куликов. В своей статье 2009 г. он предпринял еще один «сравнительный анализ» с целью дать характеристику полномочий монарха, установленных западными конституциями и российскими Основными законами. Не вступая в развернутую полемику со своими предшественниками, уже проводившими такой же «анализ» и предложившими на его основе свои оценки, С. В. Куликов счел возможным декларировать, что «в законодательстве Основные законы закрепляли за царем те же самые права, которые имели и прочие конституционные монархи, как парламентарные, так и дуалистические». Сходными были полномочия российского императора и глав европейских монархий в судебной сфере. Оставаясь на почве фактов, автор не смог приравнять пространство царской власти в сфере управления к тем возможностям, какими по закону пользовались правители империй и королевств на Западе: «...в управлении полномочия самодержца были сравнительно более обширными, иногда в максимальной степени воплощая идею дуалистической монархии». Тем не менее в итоге С. В. Куликов формулирует вполне определенный вывод: «...полномочия самодержца применительно к указанному периоду были в большинстве случаев аналогичны полномочиям его коллег по ремеслу, причем амплитуда колебаний этих полномочий находилась между английской (парламентарной) и германской (дуалистической) моделями, ни в коей мере не знаменуя сохранение абсолютизма, отсутствие конституции или существование “псевдоконституционализма”»⁸⁰.

В том же году, когда вышла статья С. В. Куликова, был разослан автореферат диссертации, посвященной сравнительно-историческому изучению становления парламентаризма в России и Германии. Ее автор, А. В. Бойко, начав с заявления о том, что Государственная Дума представляла собой «первый в российской истории парламент»⁸¹, явно проигнорировал проводившиеся в российской юридической литературе различия между парламентской и дуалистической монархиями. Тем не менее оба государства — Россия и Германия — были им отнесены к одному типу конституционных монархий. Основываясь на сравнительном анализе законодательства, А. В. Бойко отмечал черты, сходные для обеих: подконтрольность монарху верхних палат, ограниченность средств парламентского контроля — отсутствовало «право выражения вотума недоверия правительству». Различия состояли в отсутствии у Государственной Думы учредительной власти, которой обладал германский рейхстаг; в праве законодательной инициативы: «В Германской империи оно возлагалось на сам парламент, а в России фактически находилось в руках монарха и подчиненного ему правительства».

⁸⁰ Куликов С. В. Институт монархической власти в России и странах Европы и Азии в начале XX в.: сравнительный анализ // Диффузия европейских инноваций в Российской империи: Материалы всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 10–11 ноября 2009 г. Екатеринбург: ИИиАУрО РАН; Банк культурной информации, 2009. С. 214–219.

⁸¹ Бойко А. В. Становление парламентаризма в России и Германии в конце XIX — начале XX в.: сравнительно-правовой анализ: Автореферат дис. ... канд. юр. наук. Белгород, 2003. С. 3.

поскольку «законодательная инициатива российского парламента была запутана, обставлена такими ограничениями, при которых она теряла значительную долю своего практического значения»⁸². Кроме того, у Государственной Думы «реализация бюджетных прав была обставлена такими условиями, что создавалась бессмысленность отклонения бюджета»; «российское народное представительство <...> законодательно не наделялось» такими средствами парламентского контроля, как «принимать петиции и проводить парламентские расследования»; в Российской империи не были определены конкретные сроки назначения новых выборов после роспуска Думы и начала ее работы в новом составе; меньшей была защищенность думских депутатов и выборных членов Государственного Совета «от произвола монарха»⁸³. Что касается избирательных систем, то их сравнение выявило «отставание российского варианта по степени демократизации». Считая, что обе монархии были конституционными, но «не соответствовали их классическому образу (вероятно, имеется в виду образ парламентской монархии. — Б. Д.)», А. В. Бойко вместе с тем пришел к заключению, что «российский парламент так и не смог достичь уровня развития германского аналога. Несмотря на сходство многих законодательных положений, российский вариант отличался большей долей консерватизма. Монархия боролась за идею самодержавной власти и не желала расставаться с властными прерогативами»⁸⁴.

На рубеже 2000-х — 2010-х гг. тема «Российская конституционная монархия в ее сравнении с зарубежными монархическими государствами начала XX в.» оставалась востребованной у историков и юристов. В 2010 г. появились сразу три работы, посвященные ей: монография, статья и автореферат кандидатской диссертации. Увидевшая свет в 2010 г. монография принадлежит перу С. Г. Зорояна. В ней он, в отличие от многих, если не большинства современных авторов, обращавшихся к изучению Основных законов 1906 г., уделил первостепенное внимание разбору мнений своих предшественников, не ограничиваясь простым перечислением их имен. Опираясь на широкий круг исследований, начиная с дореволюционных, С. Г. Зороян дал последовательный анализ законодательства, определившего форму правления российского государства после 1906 г. Вряд ли будет ошибкой полагать, что в результате этого анализа подведен итог дискуссии о том, какая монархия существовала в России после первой революции. В монографии вполне доказано, что это была конституционная дуалистическая монархия. Развернуто обосновывая этот вывод, С. Г. Зороян не обошел вниманием вопрос о сопоставлении Основных законов с европейскими конституциями. Им отмечено, что принадлежность царю исключительного почина в пересмотре Основных законов, какого не имелось у монархов по конституциям таких государств, как Пруссия, Австрия и Болгария, сочеталось с отсутствием гарантий сохранения произошедшего самоограничения самодержавной власти. Кроме того,

⁸² Бойко А. В. Становление парламентаризма... С. 9–10, 19.

⁸³ Там же. С. 13–15.

⁸⁴ Там же. С. 21.

вслед за С. А. Котляревским С. Г. Зороян убедительно показал, что в России сравнительно с западными государствами граница между сферой законодательства и сферой «верховного управления» была проведена так, что позволяла трактовать последнюю «расширительно». Благодаря этому «обширная область правообразования сознательно отграничивалась от законодательных учреждений». С учетом этого сделан вывод, что «в целом права российского императора в области законодательства по Основным законам 1906 г. были сконструированы шире, чем аналогичные права у монархов таких стран, как Пруссия, Австрия, Болгария, Япония»⁸⁵. Заимствование из конституций Пруссии и Австрии ст. 87 российских Основных законов было, как отмечает С. Г. Зороян, неполным — отсутствовало конкретное юридическое оформление «главного условия применения данной статьи — наличия чрезвычайных обстоятельств». Отказ составителей Основных законов позаимствовать из прусского и австрийского конституционных актов статьи, которыми устанавливалось обязательное участие представительных органов в заключении государственных займов, также расценен как наделение российского императора большими финансовыми возможностями, «чем те, которыми в этом отношении обладали другие европейские монархи»⁸⁶. Указывая на перенос в российское государственное право института контрассигнатуры, С. Г. Зороян отмечает его особенность: в российских законах «не указывались последствия отсутствия скрепы (министра. — Б. Д.)». Скрепа на актах российского царя «фактически» отсутствовала, а этим «начало подзаконности актов монарха лишалось <...> существенной и необходимой правовой гарантии»⁸⁷.

Ограниченность имплементации начал западноевропейского конституционализма в российское законодательство отмечена С. Г. Зорояном и в отношении права представительства обращаться с запросами к министрам, которое само по себе признается «достаточно эффективным способом контроля над исполнительной властью». На основе сравнения соответствующих статей Прусской конституции и Австрийского конституционного закона с российским законодательством сделан вывод: «Думское право запросов, сформулированное так, что главный акцент делался на его информативную функцию, было уже западноевропейского права интерпелляции»⁸⁸. В целом объем полномочий Государственной Думы, по оценке автора, был «значительно меньше по сравнению с теми, которыми обладали к началу XX в. законодательные палаты таких государств, как Пруссия, Австрия, Япония»⁸⁹.

В заключение С. Г. Зороян выражает свое согласие с тем, что «Основные законы 1906 г. имеют много общих черт с конституционными актами

⁸⁵ Зороян С. Г. Становление дуалистической монархии в России (1906 — февраль 1917 г.): Монография. СПб.: Знание, 2010. С. 55–56, 71.

⁸⁶ Там же. С. 59, 64.

⁸⁷ Там же. С. 68.

⁸⁸ Там же. С. 97–98.

⁸⁹ Там же. С. 100.

дуалистических монархий» и продолжает: «Действительно, с содержательной стороны они напоминали конституционные акты, характерные для дуалистических монархий XIX в.: были октроированы монархом, определяли его статус, систему органов государственной власти (включая орган народного представительства), их компетенцию, порядок формирования и действия, правовое положение подданных. При этом важно отметить, что Основные законы 1906 г. по ряду моментов были схожи не с современными им европейскими конституциями, а с конституционными актами европейских государств более раннего этапа конституционного развития. Так, общие черты прослеживались между Основными законами 1906 г. и французской Хартией 1814 г., а также конституциями германских государств первой четверти XIX в.»⁹⁰. Таким образом, С. Г. Зороян раскрыл смысл формулы, кочующей из одной работы в другую и гласящей, что Основные законы «сопоставимы» или «могут быть сопоставимы» с западноевропейскими конституциями. Вместе с тем показано, что сопоставимость (или сходство, а также однотипность) двух конституционных актов еще не означает ни их полной идентичности по своей сути, ни отсутствия между ними отличий, в том числе весьма существенных. Всем своим содержанием монография С. Г. Зорояна подтверждает обоснованность той оценки переноса в российское законодательство начал западного конституционализма, которая была дана российскими государствоведами начала XX в.

Одновременно с монографией С. Г. Зорояна вышла еще одна, весьма внушительная по объему (без малого 100 страниц) статья С. В. Куликова, которая, как и предыдущая, была посвящена сопоставлению третьеиюньской монархии с конституционными системами современных ей государств. С. В. Куликов констатирует, что попытки выполнить «сравнительный анализ российской и зарубежной конституционной теории и практики начала XX в.» предпринимались неоднократно еще с дореволюционных времен. Но, по его мнению, и тогда, и теперь существовала и по-прежнему существует «разногласица мнений», поэтому требуется новая попытка выполнить тот же анализ. При этом С. В. Куликов не стал подвергать разбору аргументы и выводы всех своих предшественников, оставив вне поля зрения не только ряд диссертаций, но и книги, в том числе те, которые выпустили И. А. Кравец⁹¹, О. А. Кудинов и Г. И. Мусихин. Считаю, что «подробный сравнительный анализ российской и зарубежной конституционной теории и практики начала XX в. специально до сих пор не проводился», а статья Р. А. Циунчука «является только первым шагом на пути к этому», С. В. Куликов вместе с тем обвинил дореволюционных исследователей всех без разбора в «политической ангажированности», а современных исследователей — в «инерционной приверженности историографическим стереотипам»⁹².

⁹⁰ Зороян С. Г. Становление дуалистической монархии в России. С. 124–125.

⁹¹ Между тем в статье С. В. Куликова ссылки на работу этого автора встречаются.

⁹² Куликов С. В. Народное представительство Российской империи (1906–1917 гг.) в контексте мирового конституционализма начала XX в.: сравнительный анализ // Таврические

Обосновав таким способом свое право обратиться к изучению того, что и ранее уже неоднократно изучалось, автор предпринял сопоставление конституций 75 государств, опираясь, судя по обилию ссылок, не только на источники, но и на широкий круг государствоведческих работ, по большей части опубликованных в начале XX в. Сопоставление проведено по всем разделам Основных законов и включило в себя оценки избирательного права, характеристику состава палат, их полномочия, prerogative монарха и т. д.

Используя наблюдения и выводы дореволюционных государствоведов, С. В. Куликов стремится показать ограниченность практической реализации всеобщего избирательного права в странах Западной Европы, а российские избирательные законы оценивает несходно со своими предшественниками — Положение о выборах в Думу 11 декабря 1906 г., по его мнению, «фактически ввело всеобщее избирательное право», а закон 3 июня 1907 г. его сохранил. Далее отмечается: «Демократичность III и IV Дум была, во всяком случае, выше среднего»⁹³. Впрочем, находится место и упоминаниям о многостепенности и куриальности думских выборов⁹⁴.

Государственный Совет Российской империи отнесен «к меньшинству верхних палат европейских монархий» ввиду того, что он хотя и был «назначаемо-выборным», но зато «являлся самой демократической верхней палатой

чтения — 2009: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России (1906–1917 гг.): Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 4 декабря 2009 г. Сборник научных статей / Под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2010. С. 11–13 (далее — *Куликов С. В.* Народное представительство).

⁹³ Там же. С. 18–19. Данная оценка, как упоминает сам С. В. Куликов, позаимствована из книг эмигрантских авторов. В отечественной литературе оно себе поддержки не находит. Например, Н. Г. Королева отмечала, что при рассмотрении изменений в Положение о выборах 6 августа 1905 г. на заседаниях Совета министров в ноябре 1905 г. «был отвергнут <...> “и сам принцип” всеобщего избирательного права» (*Королева Н. Г.* Первая российская революция и царизм: Совет министров России в 1905–1907 гг. М.: Наука, 1982. С. 72). С. А. Белов указывает, что в начале XX в. «большинство стран уже предоставило избирательные права широкому кругу лиц <...>, ввело прямое, равное избирательное право и использовало тайное голосование. <...> выборы в Государственную Думу не были ни всеобщими, ни равными, ни прямыми» (*Белов С. А.* Выборы членов Государственной Думы Российской империи в 1905–1912 гг. // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 3 (4). С. 103). Неясно также, как согласовать с мнением С. В. Куликова утверждение такого специалиста по истории Государственной Думы, как И. В. Лукоянов — им кратко обрисовано обсуждение правящими верхами вопроса о введении всеобщего избирательного права, завершившееся отказом от его положительного решения. Далее приведены весьма впечатляющие цифры: по указу 11 декабря 1905 г. «число избирателей <...> составило в среднем 10–15% всех горожан (в Петербурге и Москве эта цифра не превышала 5%)». По словам И. В. Лукоянова, в основе российской избирательной системы «лежал принцип голосования имущества, а не личности. К тому же в начале XX в. всеобщее избирательное право было введено лишь в нескольких странах Европы» (см.: *Лукоянов И. В.* У истоков российского парламентаризма: Историко-документальное издание. СПб.: Лики России, 2003. С. 82–83).

⁹⁴ *Куликов С. В.* Народное представительство. С. 24, 26.

сравнительно с верхними палатами большинства монархий»⁹⁵. Ежегодный съезд российского представительства, по мнению С. В. Куликова, вполне гарантировал ст. 98 Основных законов.

Принадлежность инициативы пересмотра Основных законов исключительно царю, которой не располагали главы европейских дуалистических монархий, не обозначена в качестве важного отличия российской конституционной модели, а расценена лишь как средство «обеспечивать конституционным законам особую неприкосновенность». Прерогатива царя вводить военное и исключительные положения уподоблена правам монархов Австрии, Германии, Пруссии, но умалчивается о связи этих прав с полномочиями представительных органов в Австрии и не делается различий между военным и исключительным положениями⁹⁶.

По мнению С. В. Куликова, российские акты конституционного характера не ограничивали полномочия представительства в сфере законодательства, а «закрепляли фактически сложившуюся иностранную практику, основанную на примате правительства <...> в области подготовки законопроектов». Ст. 87, как и у С. А. Котляревского, не квалифицируется как ограничение прав общественного представительства, зато определяется как ограничение власти монарха. К числу ограничений законодательных полномочий царя отнесено отсутствие у него легальных возможностей влиять на ход обсуждения законопроектов в Думе⁹⁷, но при этом ничего не говорится о существовании таких возможностей у монархов в других государствах.

Характеризуя российское бюджетное право, С. В. Куликов обходит молчанием отмеченный в дореволюционной литературе факт отсутствия в Основных законах общей статьи относительно права представительства рассматривать бюджет. По его мнению, «финансовая компетенция Думы полностью соответствовала конституционному праву». Игнорируется и факт отсутствия в Основных законах указаний на годичность бюджета, и сам факт регулирования бюджетного процесса не конституционным актом, а Правилами 8 марта 1906 г., которые к нему не могут быть отнесены. Если С. А. Котляревский утверждал, что «условия займов, согласно статье 118 О.З. (Основных законов. — Б. Д.), определяются в порядке верховного управления»⁹⁸, то С. В. Куликов заявляет обратное: «По статье 118 Основных законов, государственные займы разрешались исключительно в законодательном порядке»⁹⁹, и своего расхождения

⁹⁵ Куликов С. В. Народное представительство. С. 31.

⁹⁶ Там же. С. 42, 53. Вряд ли С. В. Куликову неизвестно, что этому вопросу уделил особое внимание С. А. Котляревский, специально отмечавший отсутствие в российском законодательстве обозначения конкретных условий, при которых могло быть введено исключительное положение. См.: Котляревский С. А. Юридические предпосылки. С. 41–43 \233–234\.

⁹⁷ Куликов С. В. Народное представительство. С. 64–65, 69–73.

⁹⁸ Котляревский С. А. Юридические предпосылки. С. 258.

⁹⁹ Куликов С. В. Народное представительство. С. 89.

с предшественником не объясняет. Зато констатирует, что царское правительство «никогда не управляло на основании бюджета, не одобренного палатами», и из этого заключает: «В этом смысле Дума фактически имела больше полномочий, чем австрийский Рейхсрат или прусский Ландтаг»¹⁰⁰.

Право представительных органов осуществлять контроль над действиями исполнительной власти С. В. Куликов определяет как «участие палат в управлении (административной деятельности)». Одним из его элементов в европейских конституциях выступало право палат принимать петиции. По мнению С. В. Куликова, отсутствие такого права у Государственной Думы вполне компенсировалось депутатской работой с письмами российских подданных¹⁰¹.

Создание представительными органами следственных комиссий, по мнению С. В. Куликова, государствоведы признавали «второстепенным и несущественным». Между тем С. А. Котляревский, у которого позаимствовано выражение «второстепенным», трактовал данный вопрос совсем иначе. Он указывал, что главные средства «контроля за действиями администрации» — это право депутатских запросов и право «возбуждать судебное преследование против министерства», а вот другие средства, которых нет у Думы, можно признать в качестве «второстепенных, но всё же имеющих *большое значение*»¹⁰² (курсив мой. — Б. Д.). Упомянув о том, что российское законодательство не допускало создания в Думе следственных комиссий, С. В. Куликов перечисляет случаи назначения царем комиссий по вопросам, поднятым думцами, в которые они были включены вместе с чиновниками. Такие комиссии предлагается считать «более эффективными, чем чисто думские»¹⁰³ (хотя как это можно сделать, если чисто думских следственных комиссий просто не было и сравнивать не с чем?).

По поводу думского права запросов С. В. Куликовым обоснованно, хотя и отнюдь не впервые¹⁰⁴ отмечается стремление российского общественного представительства пользоваться им активно и расширительно, предпринимать попытки подавать запросы не только относительно незакономерности, но и целесообразности действий министров. Высказывается предположение, что «по степени интенсивности предъявления запросов и задавания вопросов Дума опережала многие европейские парламенты, отставая от Италии и Франции»¹⁰⁵.

¹⁰⁰ Там же. С. 89–90.

¹⁰¹ Там же. С. 90. Вряд ли можно допустить, что автор не понимает различий между подачей петиции как актом общественно-политической жизни и отправкой письма отдельного избирателя или даже их группы своему депутату, фракции или всему составу Думы.

¹⁰² Котляревский С. А. Юридические предпосылки. С. 266–267.

¹⁰³ Куликов С. В. Народное представительство. С. 92–93.

¹⁰⁴ См., например: Лавринович Д. С. Либерально-консервативная оппозиция в России: Формирование и борьба за власть (1912–1917 гг.): Монография. Могилёв: МГУ им. А. А. Кулешова, 2006. С. 66–67.

¹⁰⁵ Там же. С. 94–95. Указание С. А. Котляревского на ущербность права запросов о незакономерности действий исполнительной власти в условиях широкого распространения исключительных положений в Российской империи С. В. Куликовым игнорируется точно

Отсутствие в арсенале Думы такого общепринятого в Европе средства контроля над действиями исполнительной власти, как возбуждение представительным органом судебного преследования министров, С. В. Куликов не мог не признать, но объявляет это средство «не более чем фикцией». Отличие Основных законов в этом отношении не акцентируется, зато описываются предусмотренные законом процедуры привлечения министров к ответственности «за преступные по должности деяния», в которых участие российского представительства сводилось к подаче ходатайства, единожды удовлетворенного царем. Это дополнено сведениями из мемуарных источников о намерении Николая II в конце 1916 г. ввести «судебную ответственность министров»¹⁰⁶.

Основополагающий вопрос, с учетом ответа на который только и следует характеризовать любую конституционную монархию, — о политической ответственности исполнительной власти перед законодательным органом, С. В. Куликовым ставится и весьма подробно комментируется с позиций выявления различий между дуализмом и парламентаризмом. Из приведенных многочисленных сведений делаются весьма своеобразные выводы. Во-первых, заявлено, что «магистральной дорогой мирового конституционализма начала XX в. был не парламентаризм, а дуализм». В подтверждение этого мнения приводится перечень государств, в которых существовали дуалистические монархии. Во-вторых, солидаризируясь с мнением В. М. Гессена, С. В. Куликов объявляет различия между парламентской и дуалистической монархиями относительно трудными различимыми¹⁰⁷. Такой подход, вероятно, и позволил обойтись без выяснения конкретных заимствований в законодательстве и политической деятельности российского государства из опыта европейских конституционных монархий. Обоснованное утверждение о том, что «Основные законы 1906 г. ввели дуализм», дополняется указаниями на использование Думой права запросов и права рассмотрения бюджета, перечислением случаев предоставления членам палат российского представительства должностей министров, их заместителей и членства в высших совещательных учреждениях¹⁰⁸. Этого

так же, как и вопрос об эффективности думского права запросов. Уместно, думается, воспроизвести здесь высказывание одного немецкого историка, приведенное В. И. Герье в его брошюре: «Лучшая заслуга наших ландтагов и рейхстагов в том, чему они помешали, а не в том, что они совершили». См.: *Герье В. И.* Указ. соч. С. 22.

¹⁰⁶ Куликов С. В. Народное представительство. С. 97–98.

¹⁰⁷ Там же. С. 101. Предлагая свой первый вывод, С. В. Куликов умалчивает об уже признанной в литературе тенденции — в Германии и Австро-Венгрии дуализм медленно, но верно двигался в сторону парламентаризма (напр., см.: *Селунская Н. Б., Тоштендаль Р.* Указ. соч. С. 293–295); кроме того, может ли быть признано «магистральной дорогой» то, что именно в начале XX в., в 1917–1919 гг., обнаружило свою историческую обреченность? По поводу второго вывода С. В. Куликова напрашивается его сопоставление с четко сформулированным мнением С. А. Котляревского — см. настоящую статью, с. 227–228, сн. 23 и 26.

¹⁰⁸ К сожалению, важный вопрос о том, в какой мере такие назначения учитывали мнение большинства депутатского корпуса, как и вопрос об отношении царя и его окружения к лозунгу «министерства общественного доверия», обойдены молчанием.

оказывается достаточно, чтобы сделать следующий вывод: «Накануне Февральской революции 1917 г. в России существовала форма правления, переходная от дуализма к парламентаризму»¹⁰⁹.

В заключение С. В. Куликов останавливается на «временном параметре» проводимого им сопоставления, предпринимая оценку полномочий российского представительства «на момент его появления». Воспроизводя мнение Б. А. Кистяковского, он предлагает признать, что «с открытием <...> в 1906 г. законодательной Думы Россия получила народное представительство, являвшееся одним из самых совершенных по сравнению с любым парламентом любой монархии на момент его создания»¹¹⁰. Итоговый вывод статьи состоит в следующем: «...формально или фактически (либо формально и фактически) в одних случаях народное представительство Российской империи было полноценнее среднестатистических парламентов, в других — вполне аналогично им и, во всяком случае, несколько не ущербнее их». К этому делалось дополнение: «...нельзя согласиться с мнением, согласно которому народное представительство Российской империи как наименее полноценное было типологически близко к европейским парламентам первой половины XIX в., к германским ландтагам или японскому парламенту»¹¹¹.

В автореферате диссертации Е. Л. Сигачевой, разосланном в 2010 г., сказано, что одним из аспектов изучения ею конституционной монархии как формы

¹⁰⁹ Куликов С. В. Народное представительство. С. 105–107. Бросается в глаза расхождение мнений С. В. Куликова и С. Г. Зоряна. Последний показал, что российская монархия не завершила своего превращения в монархию дуалистическую; С. В. Куликов считает возможным говорить о ее движении к парламентаризму. Повторим, что, как известно, о наличии потенции для этого, как и о надеждах на эволюцию российской государственности много писали дореволюционные авторы. Упоминается об этом и в современной обобщающей литературе; см. напр.: Христофоров И. А. От самодержавия к думской монархии // Первая революция в России: взгляд через столетие. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 412.

¹¹⁰ Куликов С. В. Народное представительство. С. 107–108. Если даже оставить в стороне вопрос о научной обоснованности подхода, избранного С. В. Куликовым, то очевидно, что им упущен важный аспект сопоставления — речь должна идти о тех представительствах, которые создавались по инициативе монархов и в силу их волеизъявления, т. е. об октроированных конституциях.

¹¹¹ Куликов С. В. Народное представительство. С. 108–109. Представляется уместным сравнить выше цитированные мнения С. В. Куликова с тем, что было им опубликовано в 2004 г.: «После издания Основных законов 1906 г. Россия стала конституционно-дуалистической монархией, в которой существовало народное представительство, но вплоть до 1917 г. отсутствовал парламент». И там же отмечалось, что любое столкновение «понятия парламент» «не дает права говорить или писать об истории российского парламентаризма начиная с 1906 г.». См.: Куликов С. В. Государственная Дума Российской империи: политическое измерение ораторских ристаний (1906–1907) // Ораторы России в Государственной Думе (1906–1907 гг.). СПб.: Изд-во САГС; Образование—культура, 2004. Т. 1. С. 7. Еще более определенно по этому поводу высказывался И. В. Лукоянов: «Конечно, в своих правах Дума еще уступала большинству соответствующих институтов европейских стран. Главным отличием было то, что правительство никак не зависело от народных избранников». См.: Лукоянов И. В. Государственная Дума Российской империи: исторический опыт // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 3 (4). С. 54.

правления явился «сравнительно-правовой анализ полномочий российского монарха <...> с полномочиями конституционных монархов начала XX в. в Европе». В результате проведенного анализа сделан вывод «об их совпадении в основных чертах». Очевидно, что воспроизведены не только предмет изучения, избранный С. В. Куликовым для его статьи, опубликованной в 2009 г., но и ее основной вывод. Сходно с С. В. Куликовым Е. Л. Сигачева считает, что «полномочия императора по Основным государственным законам Российской империи в редакции от 23 апреля 1906 г. в основном не выходили за рамки полномочий конституционных монархов Европы того времени». Более того, Е. Л. Сигачева не сочла нужным отметить различия между полномочиями глав европейских монархических государств¹¹².

Свои попытки сопоставить российские высшие государственные учреждения и законодательство с европейскими конституциями С. В. Куликов продолжил, но уже обратившись к проектам Основных законов 1906 г. Вводя в научный оборот ценные источники, освещающие начальные этапы работы над проектами, он поставил перед собой задачу проследить ход изменений, внесенных в проект П. А. Харитонов (создан в ноябре 1905 г.) Совещанием высших чинов Государственной канцелярии в январе 1906 г.¹¹³ При этом С. В. Куликов отмечает наличие или отсутствие тех или иных статей проекта в конституциях европейских стран и Японии. Правда, он воздерживается от указаний на прямое заимствование составителями и редакторами Основных законов конкретных конституционных положений.

Совещание подвергло переработке проект П. А. Харитонов, в котором, по мнению С. В. Куликова, «проводился идеал парламентской монархии»¹¹⁴, внося поштатейные изменения. Было устранено право палат российского общественного представительства инициировать пересмотр Основных законов¹¹⁵, позаимствованное П. А. Харитоновым, как можно полагать, из прусской конституции. Тем самым предпочтение отдавалось японскому образцу — лишь в Японии по конституции палаты не наделялись учредительной властью¹¹⁶.

¹¹² Сигачева Е. Л. Конституционная монархия как форма правления (историко-правовой и сравнительно-правовой аспекты): Автореферат дис. ... канд. юр. наук. СПб., 2010. С. 6, 18.

¹¹³ Куликов С. В. Неизвестный этап создания первой российской конституции: вокруг и внутри Совещания высших чинов Государственной канцелярии (декабрь 1905 г. — март 1906 г.) // Российская история XIX–XX веков: Государство и общество. События и люди: Сборник статей / Отв. ред Р. Ш. Ганелин. СПб.: Лики России, 2013. С. 103–159 (далее — Куликов С. В. Неизвестный этап). Совещание, чья работа над проектами Основных законов представлена в данной статье С. В. Куликова, состояло из государственного секретаря, его помощника, статс-секретарей всех департаментов и еще двух лиц, являвшихся креатурами дворцового коменданта Д. Ф. Трепова (см. Куликов С. В. Неизвестный этап. С. 113).

¹¹⁴ Куликов С. В. Неизвестный этап. С. 107.

¹¹⁵ Там же. С. 121. Проявляя строгую последовательность, Совещание оговорило ограниченность думской инициативы и в другой статье (58) (там же. С. 126).

¹¹⁶ Котляревский С. А. Юридические предпосылки. С. 239–240.

Затем изъятию подверглось положение, допускавшее общественное представительство к участию в заключении Россией международных договоров¹¹⁷. Из статьи, в которой говорилось, что «исходящие от государя императора акты по управлению государством скрепляются подлежащим министром», Совецание удалило последнюю часть фразы: «тем самым принимает на себя за них ответственность»¹¹⁸ и перенесло упоминание об этом в ст. 66 проекта.

Из главы II было убрано указание о равенстве российских подданных перед законом, вместо этого в ст. 39 устанавливалась обязательность законов «для всех без изъятия российских подданных». Ключевое положение западного конституционализма приобретало российскую специфику, в чем С. В. Куликов видит только улучшение его редакции. Он считает, что Совецание «сузило» право петиций, предоставив подданным обращаться с «ходатайствами» единственно к «правительственным» инстанциям, а не «государственным», к которым можно было отнести и общественное представительство¹¹⁹. Очевидно, что здесь имеет место смягчение оценки произведенной перемены — она исключала право, которое, как подчеркивал С. А. Котляревский, «узаконяется не только прусской (ст. 32 и 81), но и японской конституцией (ст. 50)»¹²⁰. Впрочем, эта перемена не имела особого смысла, так как и проект П. А. Харитонова, и проект Совецания равно запрещали палатам российского общественного представительства принимать депутатии, а также «словесные или письменные заявления и просьбы»¹²¹. Следовать прусскому образцу не предполагалось.

Заимствованное П. А. Харитоновым из западных монархических конституций положение о полномочии монарха досрочно прекращать работу Думы было сохранено, но существовавший в его проекте обязательный четырехмесячный срок проведения новых выборов после роспуска Думы Совецание исключило, сохранив упоминание о созыве Думы в новом составе через шесть месяцев после ее роспуска¹²².

¹¹⁷ Куликов С. В. Неизвестный этап. С. 121. Среди государств, в законодательстве которых такое право отсутствовало тоже, С. В. Куликов называет и Англию. По этому поводу С. А. Котляревский отмечал, что «большинство европейских конституций требуют для договоров, затрагивающих законодательные и бюджетные права народного представительства, согласия этого последнего» (Котляревский С. А. Юридические предпосылки. С. 231). И далее относительно Англии делалась специальная оговорка: «Если в Англии формально заключение международных договоров относится к королевской прерогативе, это не изменяет установившегося правила, по которому договоры указанного типа должны получать санкции парламента» (там же. С. 232, ссылка 3).

¹¹⁸ Куликов С. В. Неизвестный этап. С. 122, 147. Упомянув об этом, С. В. Куликов делает оговорку: «...что не означало присвоения им безответственности» и указывает на статью 66 (с. 158).

¹¹⁹ Там же. С. 122–124.

¹²⁰ Котляревский С. А. Юридические предпосылки. С. 267, ссылка 2.

¹²¹ Куликов С. В. Неизвестный этап. С. 156.

¹²² Там же. С. 125, 153–154.

Если в проекте П. А. Харитонова предусматривалось предоставить палатам делать запросы министрам без указания поводов — т. е. по умолчанию допускались запросы и по поводу незакономерности, и по поводу целесообразности, то Совецание оставило только один повод — незакономерность¹²³. Удалена была и статья, предоставлявшая палатам право требовать от министров «сообщения сведений и разъяснений». Вместе с тем были изъяты статьи «о праве палат производить расследования посредством избранных ими комиссий» и «о депутатской неприкосновенности (судебный иммунитет)»¹²⁴.

Сохранив институт ответственности кабинета министров «за общий ход государственного управления», Совецание вслед за П. А. Харитоновым обошло молчанием главный вопрос: перед кем несет ответственность правительство. Сохранение при этом за членами представительства права занимать министерские посты и голосовать вместе с депутатским корпусом С. В. Куликов считает достаточным для того, чтобы увидеть в этом «формальные предпосылки для образования парламентского кабинета» и сделать весьма далеко идущий вывод: «Следовательно, проект новых Основных законов по-прежнему подразумевал установление парламентарной системы, т. е. политической ответственности министров перед палатами». Но тут же приводится факт исключения из полномочий представительства права привлекать министров к ответственности¹²⁵. Тем не менее общая оценка автором направленности произведенных Совецанием исправлений харитоновского проекта состоит в том, что проект стал «более умеренным, однако идеал парламентарной монархии продолжал оставаться краеугольным камнем новых Основных законов»¹²⁶.

Внесение изменений в проект П. А. Харитонова Совецанием *in corpore* не стало окончанием работы над ним. По измененному проекту высшими чинами Государственной канцелярии по отдельности были сделаны замечания. Некоторые из них прямо относились к заимствованиям из западного конституционализма. По поводу ст. 56 проекта (будущей 87) С. В. Куликов вслед за В. С. Дякиным отмечает, что предложение по ее усовершенствованию сужало применение чрезвычайно-указного законодательства, тогда как прусская и австрийская конституции предоставляли монархам для этого более широкие

¹²³ Там же. С. 126, 156. С. В. Куликов считает, что благодаря отмеченному выше исправлению «народное представительство получало большую свободу при избрании повода для интерpellации». Бросается в глаза категорическое расхождение такой интерpellации с мнением С. А. Котляревского (см. *Котляревский С. А.* Юридические предпосылки. С. 267–268). Выше уже отмечалось, что С. А. Котляревский демонстрировал сужение думского права запросов сравнением с конституциями Пруссии и Австрии, а также указывал на эфемерность права запроса о незакономерности действий исполнительной власти при распространенности исключительных положений.

¹²⁴ *Куликов С. В.* Неизвестный этап, С. 127, 156–158.

¹²⁵ Там же. С. 128, 158–159.

¹²⁶ Там же. С. 128. Данный вывод С. В. Куликова трудно не признать совершенно произвольным и явно идущим вразрез с содержанием его же текста.

возможности. Указание на желательность устранить из статьи о свободе собраний право российских подданных их проводить «под открытым небом» квалифицируется как внесение ограничений, которые «полностью соответствовали западноевропейской конституционной традиции»¹²⁷. Однако не учитывается, что и в проекте П. А. Харитонова, и в проекте Совещания осуществление свободы собраний обуславливалось законом, т. е. исключалось прямое действие соответствующей статьи применительно к любым собраниям, а в прусской конституции говорилось единственно о подчинении проведения собраний под открытым небом «законам о предварительном их разрешении правительственной властью». Иными словами, проект российских Основных законов в установлении пространства свободы собраний был шагом назад по сравнению с конституцией прусской дуалистической монархии.

Особое значение следует придавать настойчивому стремлению А. Ф. Трепова удалить из статьи об ответственности министров оставленную в ней Совещанием фразу о контрассигнации. Мнение А. Ф. Трепова, как приводит его С. В. Куликов, состояло в том, что признание за министрами ответственности «за скрепленные их подписью указы и иные акты, от государя исходящие», «будет истолковано в смысле ответственности министров перед Думой за правильное составление указов и актов». Сам же А. Ф. Трепов совершенно недвусмысленно требовал исходить из противоположного толкования: «Они (министры. — *Б.Д.*) перед государем ответственны по общему закону относительно скрепы, так что особого [закона] для сей оговорки не нужно»¹²⁸.

Заключительный этап переработки проекта Основных законов состоял в отборе государственным секретарем Ю. А. Иксулем и его товарищем П. А. Харитоновым (автором первоначального текста, того самого, который характеризуется С. В. Куликовым как «идеал парламентарной монархии») тех изменений из числа предложенных отдельными членами Совещания, которые подлежали внесению в проект. В процессе этого отбора ограничения права монарха распускать Думу свелись к минимуму; была ужесточена формулировка запрета Думе принимать петиции, фраза о контрассигнации — в полном соответствии с настояниями А. Ф. Трепова — удалена. Производились ли эти изменения с учетом западноевропейских образцов, остается неизвестным, но их осуществление, в том числе «уступка Трепову по вопросу об обусловленности ответственности контрассигнацией» не могли, по уверению С. В. Куликова, «существенно поколебать идеал парламентарной монархии, положенный в основание

¹²⁷ Куликов С. В. Неизвестный этап. С. 131–133. Вряд ли можно безоговорочно относить ограничения свободы собраний к «западноевропейской конституционной традиции» в целом. Это очевидная традиция дозированного предоставления политических свобод, свойственная октроированным конституциям дуалистических монархий, в которых, как указано Г. И. Мусихиным, народный суверенитет подменяется суверенитетом монарха. См.: Мусихин Г. И. Власть перед вызовом современности: Сравнительный анализ российского и немецкого опыта конца XVIII — начала XX века. СПб.: Алетейя, 2004. С. 252.

¹²⁸ Цит. по: Куликов С. В. Неизвестный этап. С. 134.

проектировавшейся конституции, поскольку Икскуль и Харитонов сохранили в ней все те статьи, которые создавали формальные предпосылки для воплощения этого идеала»¹²⁹. Между тем приведенные в статье факты свидетельствуют против позиции ее автора — очевидно, что на всех этапах работы Совещания над проектом П. А. Харитонova шло усиление тех его сущностных черт, которые, еще более резко обозначившись на заключительном этапе составления Основных законов, стали в конце концов определяющими для российского государственного строя после 1906 г. Уместно повторить здесь итоговую характеристику, данную ему С. А. Котляревским в 1912 г.: «...русский государственный строй является совершенно дуалистическим в смысле противоположности парламентаризму и вообще недопущения в какой бы то ни было степени начал политической ответственности. Дуалистический отпечаток в нем выражен явственнее, чем в таком классическом образце этого типа, как прусская конституция, — не говоря уже об австрийской. <...> Если власть управления совершенно изъята из ведения Думы и совета, то в законодательстве роль правительства остается не только фактически руководящей, но и юридически преобладающей. <...> Всё это перемещает центр тяжести государственного механизма с представительства на правительство, ответственное лишь перед верховной властью»¹³⁰. Искать в этой характеристике какие-то неясности или двусмысленности было бы совершенно напрасно. С. В. Куликов собрал и представил в своей статье убедительные свидетельства того, что составители проекта Основных законов на определенном этапе их подготовки и стремились как раз к тому, чтобы в итоге выдающийся российский государствовед имел все основания дать российскому государственному праву именно ту характеристику, какую он ему дал, включая оценку его сопоставления с европейскими конституциями дуалистических монархий.

Итак, предпринятое сопоставление тех оценок объема и направленности трансфера западного конституционализма в Основных законах 1906 г., которые были даны специалистами в начале XX в., с теми, что имеются в современной отечественной литературе, позволяет прийти к выводу о том, что еще в первых работах, вышедших начиная с 2000 г., были воспроизведены утверждения дореволюционных юристов об ограниченности (большей «консервативности») российских государственных законов в сравнении с западноевропейскими. Как показано в трудах и дореволюционных государствоведов, и современных авторов, создатели Основных законов придали им структуру уже существовавших в Европе конституционных актов, но последовательно провели в них то, что

¹²⁹ Куликов С. В. Неизвестный этап. С. 136–138. Цитированное выше заключение С. В. Куликова явно нуждалось бы в важном авторском уточнении: проект Основных законов уже имел положенный в его основание «идеал» или всего лишь допускал его достижение в неопределенном будущем по силе имевшихся в нем предпосылок для совершенствования учреждавшейся дуалистической монархии?

¹³⁰ Котляревский С. А. Юридические предпосылки. С. 275–276.

принято было называть «монархическим принципом» — обеспечение приоритета монарха перед общественным представительством, чем правительство выводилось из-под парламентского контроля. В результате российское конституционное законодательство не достигло уровня образцов европейского дуалистического конституционализма второй половины XIX — начала XX в. и в ряде своих элементов следовало как образцу конституциям начала XIX в. Иными словами, российская абсолютная монархия, становясь дуалистической, не захотела встать вровень по степени конституционного развития с однотипными ей монархиями Центральной Европы, оказавшись отсталой по сравнению с ними¹³¹. Эта направленность трансфера была воспроизведена в большинстве работ, появившихся начиная с 2000 г., и получила в некоторых из них одно, но важное и вполне обоснованное дополнение: избирательное заимствование в российском законодательстве начал западного конституционализма было порождено стремлением российских реформаторов 1905–1906 гг. воспроизвести германский тип господства и в максимально возможной степени обеспечить царю, а с ним и его правительству сохранение прежних приемов управления и безответственной власти. Концепция, включающая в себя данные выводы и основанная на признании юридического оформления российской монархии как монархии конституционной, должна считаться общепризнанной. Отрицание перехода российской государственности в конституционную *форму* вряд ли уже может иметь за собой сколько-нибудь значительную поддержку в научной среде. Вместе с тем нельзя признать обоснованным возвращение в научный дискурс предпринимавшихся еще в 1990-х гг.¹³² попыток представить Основные законы вполне идентичными европейским конституциям начала XX в. и ради этого допустить затушевывание или игнорирование уже давно выявленных различий между ними, пренебрегать установленными в науке фактами. Сомнительна польза от искусственного сохранения «разноголосицы мнений» там, где для нее нет почвы.

Было бы напрасно искать в современной литературе, посвященной вопросу о соотношении российских и западноевропейских конституционных актов, примеры использования иных источников, кроме законодательства и подготовительных материалов к нему, и иных методов, кроме «сравнительно-правового анализа». Вряд ли будет реалистично полагать, что обращение к этим же источникам и методам позволяло в недавнем прошлом (как это имело место в литературе 2000–2010 гг.) и позволит в будущем избежать дословных или почти дословных повторений одних и тех же наблюдений и выводов, а значит, включает в себе возможности расширить круг имеющихся сведений по вопросу

¹³¹ Эта оценка направленности заимствований из западного конституционализма, сделанных в ходе российских государственных реформ 1905–1906 гг., подтверждена в работах таких ученых, как И. А. Кравец, О. В. Погожева, Н. Б. Селунская и Р. Тоштендаль, А. В. Бойко, Р. А. Циунчук, С. Г. Зороян. Именно она, по мнению автора настоящей статьи, в полной мере соответствует свидетельствам источников и фактам, а потому только и может быть принята в науке.

¹³² См.: Зороян С. Г. Становление дуалистической монархии в России. С. 39.

о переносе в Основные законы 1906 г. начал западного конституционализма. Не кажется преувеличенной оценка состояния историографии по этому вопросу как отсутствие прогресса¹³³. Приходится (подобно Р. А. Циунчуку¹³⁴) констатировать, что проделанный в отечественной литературе начиная с 2000 г. поиск вариативных оценок соотношения российского конституционализма с западным лишь в незначительной степени сопровождался обретением добавленного знания. Дальнейшее его продолжение представляется излишним.

References

- Belov S. A.* Vybory členov Gosudarstvennoj Dumi Rossijskoj imperii v 1905–1912 gg. // Leningradskij ūridičeskij žurnal. 2005. № 3 (4). P. 98–107.
- Bogdanov S. V.* Nacional'nyj i zarubežnyj opyt v formirovanii i funkcionirovanii Gosudarstvennoj Dumi i Gosudarstvennogo Soveta v načale XX veka: Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk. M., 2003.
- Bojko A. V.* Stanovlenie parlamentarizma v Rossii i Germanii v konce XIX — načale XX v.: sravnitel'no-pravovoj analiz: Avtoreferat dis. ... kand. ūr. nauk. Belgorod, 2003.
- Ciunčuk R. A.* Evropejskie parlamenti i rossijskaâ Duma načala XX veka: sravnitel'no-pravovoj analiz // Imperskie i nacional'nye modeli upravleniâ: rossijskij i evropejskij opyt: Sb. materialov Meždunarodnoj naučnoj konferencii / Nauč. red. A. O. Čubar'ân. M.: IVI RAN, 2007. S. 39–59.
- Demin V. A.* Osnovnye gosudarstvennye zakony // Gosudarstvennyj sovet Rossijskoj imperii: 1906–1917: Ènciklopediâ. M.: ROSSPEN, 2008. S. 192–195.
- Egjazarov S. A.* Lekcii po russkomu gosudarstvennomu pravu. Zakonodatel'naâ vlast'. Kiev: Tipografîa I. I. Čokolova, 1906. Vyp. 1.
- Ger'e V. I.* O konstitucii i parlamentarizme v Rossii. M.: Tipografîa «Russkogo Golosa», 1906.
- Gribovskij V. M.* Nastoâšee i budušee evropejskogo parlamentarizma (obšedostupnyj očerk). SPb.: Tipografîa A. S. Suvorina, 1906.
- Hristoforov I. A.* Ot samoderžavîa k dumskoj monarhii // Pervaâ revolûciâ v Rossii: vzglâd čerez stoletie. M.: Pamâtniki istoričeskoj mysli, 2005. S. 393–456.
- Koroleva N. G.* Pervaâ rossijskaâ revolûciâ i carizm: Sovet ministrov Rossii v 1905–1907 gg. M.: Nauka, 1982.
- Koškid'ko V. G.* Predstavitel'naâ vlast' v Rossii: formirovanie i funkcionirovanie: naučnoe izdanie. M.: Universitetskij gumanitarnyj licej, 2000.
- Kotlârevskij S. A.* Konstitucionnoe gosudarstvo. Opyt politiko-morfologičeskogo razbora. SPb.: Izdanie G. F. Lvoviča, 1907.
- Kotlârevskij S. A.* Ūridičeskie predposylki russkikh osnovnyh zakonov. M.: Tipografîa G. Lissnera i D. Sobko, 1912.
- Kravec I. A.* Konstitucionalizm i rossijskaâ gosudarstvennost' v načale XX veka: Učebnoe posobie. M.; Novosibirsk: IVC «Marketing»; OOO «Izdatel'stvo ŪKĖA», 2000.
- Kudinov O. A.* Konstitucionnye reformy v Rossii v XIX — načale XX v.: Monografîa. M.: Izd-vo Instituta molodeži «Socinform», 2000.
- Kulikov S. V.* Gosudarstvennaâ Duma Rossijskoj imperii: poličišeskoe izmerenie oratorskikh ristanij (1906–1907) // Oratory Rossii v Gosudarstvennoj Dume (1906–1907 gg.). SPb.: Izd-vo SAGS; Obrazovanie-kul'tura, 2004. T. 1. S. 5–24.
- Kulikov S. V.* Institut monarhičeskoj vlasti v Rossii i stranah Evropy i Azii v načale XX v.: sravnitel'nyj analiz // Diffuziâ evropejskikh innovacij v Rossijskoj imperii. Materialy vserossijskoj naučnoj konferencii. Ekaterinburg, 10–11 noâbrâ 2009 g. Ekaterinburg: IIIAŪrO RAN; Bank kul'turnoj informacii, 2009. S. 212–219.

¹³³ Эту оценку нельзя распространить на монографию С. Г. Зорояна, имеющую несомненное историографическое значение.

¹³⁴ Р. А. Циунчук обоснованно назвал дискуссию «о том, можно ли считать Думу парламентом», «теряющей научную продуктивность». См.: *Циунчук Р. А.* Европейские парламенты и российская Дума начала XX века: сравнительно-правовой анализ // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт. Сб. материалов Международной научной конференции / Науч. ред. А. О. Чубарьян. М.: ИВИ РАН, 2007. С. 39.

Kulikov S. V. Narodnoe predstavitel'stvo Rossijskoj imperii (1906–1917 gg.) v kontekste mirovogo konstitucionalizma načala XX v.: sravnitel'nyj analiz // Tavričeskie čtenîâ — 2009: Aktual'nye problemy istorii parlamentarizma v Rossii (1906–1917 gg.): Meždunarodnââ naučnaâ konferenciâ, S.-Peterburg, Tavričeskij dvorec, 4 dekabrâ 2009 g. Sbornik naučnyh statej / Pod red. A. B. Nikolaeva. SPb, 2010. S. 11–108.

Kulikov S. V. Neizvestnyj êtap sozdaniâ pervoj rossijskoj konstitucii: vokrug i vnutri Sovešaniâ vyšših činov Gosudarstvennoj kancelârii (dekabr' 1905 g. — mart 1906 g.) // Rossijskaâ istoriâ XIX–XX vekov: Gosudarstvo i obščestvo. Sobytiâ i lûdi: Sbornik statej / Otv. red. R. Š. Ganelin. SPb.: Liki Rossii, 2013. S. 102–159.

Lavrinovič D. S. Liberal'no-konservativnââ oppoziciâ v Rossii: Formirovanie i bor'ba za vlast' (1912–1917 gg.): Monografiâ. Mogilev: MGU im. A. A. Kulešova, 2006.

Lukoânov I. V. U istokov rossijskogo parlamentarizma: Istoriko-dokumental'noe izdanie. SPb.: Liki Rossii, 2003.

Medušeuskij A. N. Demokratiâ i avtoritarizm: Rossijskij konstitucionalizm v sravnitel'noj perspektive. M.: ROSSPÈN, 1997.

Musihin G. I. Vlast' pered vyzovom sovremennosti: Sravnitel'nyj analiz rossijskogo i nemeckogo opyta konca XVIII — načala XX veka. SPb.: Aletejâ, 2004.

Pažitnov K. A. K voprosu o russskoj konstitucii // Obrazovanie. 1907. Dekabr'. S. 96–108.

Pogoževa O. V. Monarhiâ kak forma pravleniâ v Rossijskoj imperii (istoriko-pravovoj aspekt): Avtoreferat dis. ... kand. ūr. nauk. Rostov-na-Donu, 2004.

Pustovalov A. R. Razvitie idej konstitucionalizma v russskoj politiko-pravovoj mysli XIX — načala XX veka: Avtoreferat dis. ... kand. ūr. nauk. M., 2006.

Selunskââ N. B., Toštendal' R. Zaroždenie demokratičeskoj kul'tury: Rossiâ v načale XX v. M.: ROSSPÈN, 2005.

Šeršenevič G. F. Konstitucionnââ monarhiâ. M.: Tipografiâ G. Lissnera i D. Sobko, 1906.

Šigačeva E. L. Konstitucionnââ monarhiâ kak forma pravleniâ (istoriko-pravovoj i sravnitel'no-pravovoj aspekty): Avtoreferat dis. ... kand. ūr. nauk. SPb., 2010.

Tomsinov V. A. Sergej Andreevič Kotlârevskij (1873–1939). Biografičeskij očerk // Kotlârevskij S. A. Konstitucionnoe gosudarstvo. Ūridičeskie predposylki russskih Osnovnyh zakonov / Pod red. i s predisl. V. A. Tomsinova. M.: Zercalo, 2004. S. VII–L.

Usanov V. E. Stanovlenie i razvitie parlamentarizma v Rossii: istoriko-pravovoe i kritičeskoe issledovanie: Monografiâ. M.: Èlit, 2008.

Vinogradov V. V. Stanovlenie konstitucionalizma v monarhičeskoj Rossii: Avtoreferat dis. ... kand. ūr. nauk. Volgograd, 2002.

Zoroân S. G. Stanovlenie dualističeskoj monarhii v Rossii (1906 — fevral' 1917 g.). SPb.: Znanie, 2010.

Список литературы

Белов С. А. Выборы членов Государственной Думы Российской империи в 1905–1912 гг. // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 3 (4). С. 98–107.

Богданов С. В. Национальный и зарубежный опыт в формировании и функционировании Государственной Думы и Государственного Совета в начале XX века: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.

Бойко А. В. Становление парламентаризма в России и Германии в конце XIX — начале XX в.: сравнительно-правовой анализ: Автореферат дис. ... канд. юр. наук. Белгород, 2003.

Виноградов В. В. Становление конституционализма в монархической России: Автореферат дис. ... канд. юр. наук. Волгоград, 2002.

Герье В. И. О конституции и парламентаризме в России. М.: Типография «Русского Голоса», 1906.

Грибовский В. М. Настоящее и будущее европейского парламентаризма (общедоступный очерк). СПб.: Типография А. С. Суворина, 1906.

Демин В. А. Основные государственные законы // Государственный совет Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М.: РОССПÈН, 2008. С. 192–195.

Егiazаров С. А. Лекции по русскому государственному праву. Законодательная власть. Киев: Типография И. И. Чоколова, 1906. Вып. 1.

Зороян С. Г. Становление дуалистической монархии в России (1906 — февраль 1917 г.). СПб.: Знание, 2010.

Королева Н. Г. Первая российская революция и царизм: Совет министров России в 1905–1907 гг. М.: Наука, 1982.

Котляревский С. А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического разбора. СПб.: Издание Г. Ф. Львовича, 1907.

Котляревский С. А. Юридические предпосылки русских основных законов. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1912.

Кошкидько В. Г. Представительная власть в России: формирование и функционирование: Научное издание. М.: Университетский гуманитарный лицей, 2000.

Кравец И. А. Конституционализм и российская государственность в начале XX века: Учебное пособие. М.; Новосибирск: ИВЦ «Маркетинг»; ООО «Издательство ЮКЭА», 2000.

Кудинов О. А. Конституционные реформы в России в XIX — начале XX в.: Монография. М.: Изд-во Института молодежи «Социформ», 2000.

Куликов С. В. Государственная Дума Российской империи: политическое измерение ораторских ристаний (1906–1907) // Ораторы России в Государственной Думе (1906–1907 гг.). СПб.: Изд-во САГС; Образование–культура, 2004. Т. 1. С. 5–24.

Куликов С. В. Институт монархической власти в России и странах Европы и Азии в начале XX в.: сравнительный анализ // Диффузия европейских инноваций в Российской империи: Материалы всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 10–11 ноября 2009 г. Екатеринбург: ИИиАУрО РАН; Банк культурной информации, 2009. С. 212–219.

Куликов С. В. Народное представительство Российской империи (1906–1917 гг.) в контексте мирового конституционализма начала XX в.: сравнительный анализ // Таврические чтения — 2009: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России (1906–1917 гг.). Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 4 декабря 2009 г. Сборник научных статей / Под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2010. С. 11–108.

Куликов С. В. Неизвестный этап создания первой российской конституции: вокруг и внутри Совещания высших чинов Государственной канцелярии (декабрь 1905 г. — март 1906 г.) // Российская история XIX–XX веков: Государство и общество. События и люди: Сборник статей / Отв. ред Р. Ш. Ганелин. СПб.: Лики России, 2013. С. 102–159.

Лавринович Д. С. Либерально-консервативная оппозиция в России: Формирование и борьба за власть (1912–1917 гг.): Монография. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2006.

Лукоянов И. В. У истоков российского парламентаризма: Историко-документальное издание. СПб.: Лики России, 2003.

Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: РОССПЭН, 1997.

Мусихин Г. И. Власть перед вызовом современности: Сравнительный анализ российского и немецкого опыта конца XVIII — начала XX века. СПб.: Алетейя, 2004.

Пажитнов К. А. К вопросу о русской конституции // Образование. 1907. Декабрь. С. 96–108.

Погожева О. В. Монархия как форма правления в Российской империи (историко-правовой аспект). Автореферат дис. ... канд. юр. наук. Ростов-на-Дону, 2004.

Пустовалов А. Р. Развитие идей конституционализма в русской политико-правовой мысли XIX — начала XX века: Автореферат дис. ... канд. юр. наук. М., 2006.

Селунская Н. Б., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX в. М.: РОССПЭН, 2005.

Сигачева Е. Л. Конституционная монархия как форма правления (историко-правовой и сравнительно-правовой аспекты): Автореферат дис. ... канд. юр. наук. СПб., 2010.

Томсинов В. А. Сергей Андреевич Котляревский (1873–1939). Биографический очерк // Котляревский С. А. Конституционное государство. Юридические предпосылки русских Основных законов / Под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М.: Изд-во «Зерцало», 2004. С. VII–L.

Усанов В. Е. Становление и развитие парламентаризма в России: историко-правовое и критическое исследование: Монография. М.: Элит, 2008.

Христофоров И. А. От самодержавия к думской монархии // Первая революция в России: взгляд через столетие. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 393–456.

Цицицук Р. А. Европейские парламенты и российская Дума начала XX века: сравнительно-правовой анализ // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт. Сб. материалов Международной научной конференции / Науч. ред. А. О. Чубарьян. М.: ИВИ РАН, 2007. С. 39–59.

Шершеневич Г. Ф. Конституционная монархия. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1906.